

Э. С. Гайдукова

Музы
приблизжали
Победу

2017

Автор и составитель сборника - Эмилия Степановна Гайдукова – руководитель музея и красных следопытов МБОУ Тумановской СШ им. Героя Советского Союза К.И.Молоненкова Вяземского района Смоленской области.

Сборник - результат собранных в ходе поисков красными следопытами 70-80-х годов материалов для школьного музея.

Книга знакомит с писателями и артистами, фоторепортёрами и художниками, вставшими на защиту Родины в первые дни Великой Отечественной войны и сражавшимися на Вяземской (Смоленской) земле с фашистскими захватчиками разящими строками, добытыми в бою, своим искусством.

Адресована она прежде всего молодёжи, а также тем, кто интересуется историей родного края с её героическими и трагическими страницами.

Я благодарна всем, кто причастен к выпуску сборника: Елене Анатольевне Мармыш, заведующей отделом Вяземской централизованной библиотечной системы, за содействие в выходе в свет сборника; Ольге Владимировне Смирновой и Жанне Ивановне Комаровой, работникам Тумановской сельской библиотеки, за помощь в допечатной подготовке книги.

Особая благодарность – оказавшим финансовую помощь (средств у музея нет, нет у нас и спонсоров): друзьям музея, бывшим следопытам, выпускникам, распространителям вышедшей в 2016 году книги «Путёвка в жизнь» (вырученные от продажи деньги использованы для издания сборника «Музы приближали Победу»): Антиповой Надежде Николаевне, дочери погибшего на тумановской земле Панкова Николая Владимировича; Фоминой Евгении Михайловне, Воробьёву Анатолию Афанасьевичу, Даниловой Нине Ивановне, Даниловой Лидии Ивановне, Малаховой Вере Александровне, Румянцевой Валентине Викторовне, бывшему учителю математики Корнакову Евгению Владимировичу, Васильевой Ларисе Юрьевне, Демидкину Вадиму Александровичу, внучатому племяннику погибшего на тумановской земле Колотилова Леонида Васильевича и другим.

Музы приближали Победу

/Деятели литературы и искусства
в годы Великой Отечественной войны на Вяземской –
Смоленской – земле./

Введение

В нашем школьном музее есть интересная экспозиция – «Музы на фронте». Её создали красные следопыты 70-80-х годов МБОУ Тумановской средней школы Вяземского района Смоленской области.

Война и музы... казалось бы, нет более противоречивых понятий. Старинное изречение гласит: «Когда говорят пушки, умолкают музы».

Но в годы суровых испытаний, в годы священной войны музы не могли молчать, они вели в бой, они становились оружием, разящим врагов.

«...Нет более благородных и возвышенных задач, нежели те, которые вдохновляют нас на борьбу с тёмными силами гитлеризма.

И когда грохочут пушки, поднимают свой могучий голос наши музы...

Д.Шостакович, 1941г.».

И соединившись воедино,
наша гордость, благородство, честь,
музыка, поэзия, природа-
всё, чем нам Отчизна дорога,
с армией советского народа
двигалось рекою на врага...

М.Алигер

Часть первая

Артисты на передовой

Глава первая

Первая фронтовая бригада артистов Москвы

В одной из витрин школьного музея бережно хранится книга руководителя первой артистической бригады Москвы, заслуженного деятеля искусств Бориса Михайловича Филиппова «Музы на фронте» с дарственной надписью:

«Юным следопытам средней школы посёлка Туманово Смоленской области от автора, сражавшегося против фашистов оружием искусства.

Всего доброго желаю вам в вашем благородном деле!

24 июня 1978г. Борис Филиппов».

Захотелось узнать, кто из деятелей литературы и искусства сражался с фашистами не только с оружием в руках, но и стихом и песней, фоторепортажем и плакатом, танцем и музыкой на нашей вяземской (смоленской) земле в годы Великой Отечественной войны.

Интересная поисковая работа увлекла ребят. Письма в газеты и адресные столы, на радио и телевидение помогли узнать адреса, а затем установить связь с участниками событий. Откликнулся на просьбу красных следопытов оказать помощь в создании экспозиции «Музы на фронте» руководитель первой бригады артистов Москвы Борис Михайлович Филиппов.

Вот его письмо: «Я действительно был в Вязьме в самые тяжкие дни августа 1941 года и пишу об этом в книге «Музы на фронте», которую и посылаю вместе с фотографией моей первой фронтовой бригады».

Здесь, на Западном фронте, было особенно опасно: ведь враг рвался к Москве.

И сюда, под Вязьму, выехала первая фронтовая бригада московских артистов.

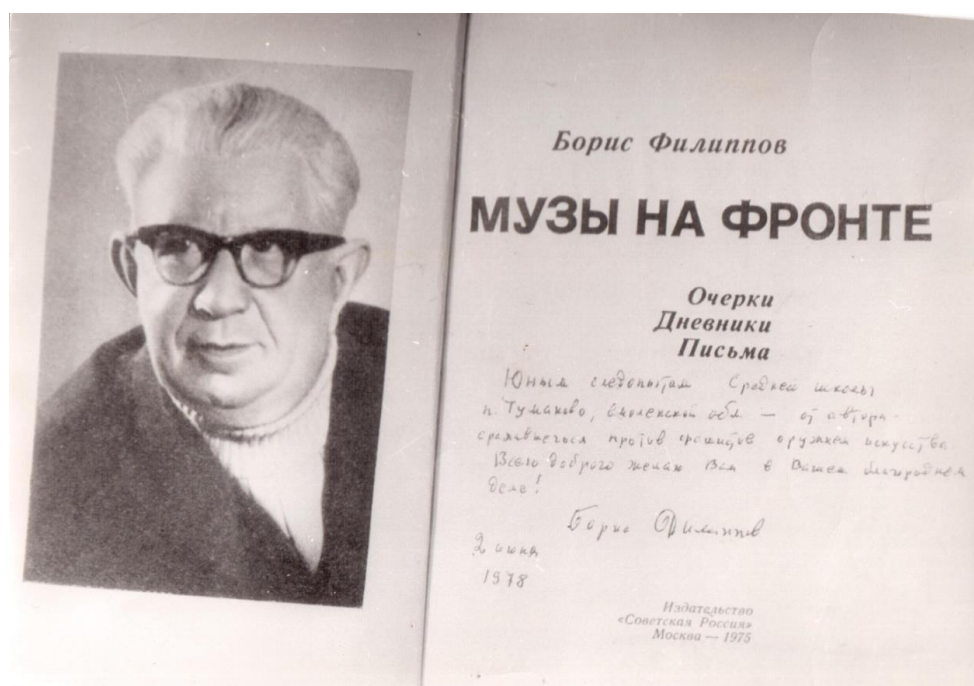
В экспозиции – снимок, сделанный 9 августа 1941 года. На нём – весь состав бригады – эти мужественные, талантливые, не побоявшиеся снарядов и бомб артисты перед выездом на передовую:

В.Хенкин, сатирик, Л.Русланова – исполнительница русских народных песен, М.Гаркави – конференсье, артисты оперетты – Е.Калашникова и И.Гейдройц; Г.Капиани – артист радио, певец; иллюзионист Шужевич со своей женой – ассистенткой его программы; Т.Ткаченко – артистка балета Большого театра; М.Борисенко и В.Жерехов – дуэт баянистов; Максаков аккомпаниатор Л.Руслановой.

Прислал Борис Михайлович и свою фотографию:

«9 мая 1982 года. Юным следопытам Тумановской средней школы

от руководителя первой фронтовой бригады артистов Москвы».

Бригада была сформирована 30 июля, а 9 августа она выехала на Западный фронт, под Вязьму, по пути выступая перед бойцами.

Первый концерт – под Гжатском. «Артисты старались так, как, наверное, не играли в залах столицы». Концерт прошёл с большим успехом. Выступавшие поняли, как нужна бойцам моральная поддержка, как рады они артистам!

14 августа прибыли в Вязьму.

«Пыльный городок с булыжными мостовыми заполнен военными. Больше всего нас удивили действующий в городе кинотеатр и даже небольшая очередь в кассы», - записал во фронтовом дневнике Б.М.Филиппов.

Все дни бригады заполнены выступлениями с концертами вблизи Вязьмы: в 15-й танковой дивизии Героя Советского Союза Мишулина, 16-й части Героя Советского Союза полковника Лизюкова, 17-м пехотном полку Рязанцева и многих других частях.

Везде артистов встречали тепло и радостно, ведь «на войне особенно приятно вспоминать родной дом, всё то, что близко, что ещё недавно составляло круговорот мирной жизни».

Особенно восторженно принимали солдаты выступления известных и любимых – Лидию Русланову и Владимира Хенкина, награждая их бурными аплодисментами.

Лидия Русланова. Три встречи

/фрагмент из воспоминаний/

«... Впервые выезжая на Западный фронт, я невольно ощущала в себе какую-то неуверенность. Мы, артисты первой фронтовой бригады, ещё не знали, будет ли уместно наше искусство там, где, может быть, и не до песен.

Взволнованная, вошла в первый раз на эстраду-грузовик. Мне было даже как-то неловко за мой яркий костюм, выделявшийся среди массы защитных гимнастёрок. Были тёплые летние сумерки. С жадным вниманием разглядывала я бойцов, тесным кольцом окруживших грузовик. Издалека доносился безостановочный гул артиллерийской канонады-звуки, рождавшие ощущение: я нахожусь на фронте, я выступаю на передовых позициях. Эхо вместе с мастерским аккомпанементом баянистов и далёким грохотом выстрелов разносило песню по лесу.

Я пела, забыв о том, что где-то близко стреляют из тяжёлых орудий, охваченная

творческим подъёмом.

...Очевидно, прошло много времени, и вокруг совсем стемнело... В неожиданно наступившей тишине послышались шаги. Подошёл боец, ловко вскочил на грузовик. От имени своих товарищей он крепко пожал мне руку и сказал: «Спасибо тебе, русская женщина, за песни, которые зовут нас в бой. Наши песни такие же могучие и сильные, как душа русского человека. Послушали мы их, как будто дома побывали. Так переполнено сердце, что хоть гору сдвигаешь...» боец засмеялся, ещё раз пожал мне руку и, тряхнув головой, спрыгнул на землю, сразу же смешавшись с толпой красноармейцев, продолжавших стоять возле грузовика.

Мне запомнилось его лицо. Простое, обыкновенное русское лицо – я сразу бы узнала его и через несколько лет. Я не успела спросить имя человека, который первый сказал нам, что песня нужна на фронте.

...Был студёный зимний вечер. Бушевал буран. Но нам, артистам, вернувшимся после концерта, было тепло и уютно в землянке.

Только вчера прибыли мы на Западный фронт, а уже чувствуем себя здесь как дома. Я готовилась к ночлегу, когда, постучавшись, вошёл молодой боец. Он внёс вязанку берёзовых дров и хотел затопить железную печурку. Я сказала, что здесь и без того тепло. Он смущённо мялся. Наконец сказал, таинственно понизив голос:

– Очень вы мне сердце разогрели своими песнями. Хотелось бы поговорить по душам. Сегодня иду в разведку. Натворю таких дел, – он засмеялся. – Вы не беспокойтесь, для меня это привычное дело. А утром опять приду к Вам, и Вы мне за это споёте ещё раз. Хорошо? Договорились? Он ушёл. Всю ночь я с волнением думала о нём, почти совсем не спала.

...Только вечером, во время концерта, мне сообщили, что разведчики наконец вернулись. Утопая в сугробах, я бросилась к ним. Группа занесённых снегом бойцов несла кого-то на развёрнутой шинели. Я заглянула и сразу увидела, что это он, мой боец. Он был в полузабытьи. Голова и руки у него были забинтованы. Однако он скоро узнал меня.

– Не беспокойтесь за меня, товарищ Русланова, – услышала я ровный и спокойный голос, – всё в порядке. Задание выполнено. Много раз сегодня вспоминались мне вчерашние песни. Особенно одна – про землянку. И теперь мне ничего не хочется, кроме песен. Вы ведь споёте? Мы же договорились.

Я была потрясена: он казался умирающим и в то же время совсем не думал о смерти. Он по-прежнему говорил только о песнях.

Красноармеец-узбек рассказал, как они выдержали неравный бой с гитлеровцами, а боец в тылу у немцев взорвал склад с боеприпасами, был ранен.

Раненый был уже в избе. Я присела у изголовья. На моих коленях лежала его забинтованная голова. Юноша, не отрываясь, смотрел на меня и слушал, как я тихонько пела ему протяжную русскую песню – о степи, о лесе, о девушке, которая ждёт милого...

Казалось, он снова впал в забытие. Я продолжала придерживать его голову, ощущая материнское чувство к этому герою, казавшемуся сейчас

беспомощным мальчиком. Так я просидела почти половину ночи, почти беззвучно напевая ему.

Вошёл военный врач и распорядился отправить бойца в операционную. Две санитарки заботливо уложили его на носилки. Раненый очнулся, улыбнулся мне и снова взял с меня обещание, что я спою для него, когда он выздоровеет. Я была поражена его уверенностью – мне казалось, что он не выживет.

...Стараясь вселить бодрость и в него, и в себя, я дружески рассталась с ним, не надеясь когда-либо встретиться вновь.

Прошло три месяца. И снова наша бригада приехала на фронт.

Весна была в полном разгаре. Мы заканчивали выступление, когда объявили воздушную тревогу... Гаркави объявил мой номер. Я вышла вперёд и уже готовилась петь, когда услышала, что кто-то меня зовёт.

Ко мне пробирался красноармеец с орденом Ленина на груди. Он приветливо махал рукой, но я не узнавала его. Ведь я видела за это время десятки тысяч бойцов на фронте...

Красноармеец с орденом Ленина не отрываясь смотрел на меня; пока я пела, я не могла вспомнить, где мы встречались. Когда я кончила петь, больше всех хлопал красноармеец, которого я не могла узнать. Наконец он не выдержал и подошёл ко мне.

– Позвольте пожать вашу руку, товарищ Русланова, мой лучший врач...

И тут я сразу вспомнила всё: это был он, раненый при взрыве склада боеприпасов в немецком тылу. Но как он возмужал и изменился! В моём воспоминании он остался беспомощным, умирающим, почти мальчиком, а теперь я видела крепкого, здорового человека – настоящего героя с орденом на груди.

...Концерт закончился. Стало быстро темнеть. Решив ужинать тут же на поляне, большой компанией расположились на траве. Меня попросили спеть. По-прежнему больше всех просил мой старый – и такой молодой – знакомый. Я запела русскую народную песню. Я уже знала, что за второй подвиг его представят к самому высокому званию – Героя Советского Союза.

Я пела для Героя Советского Союза. Но меня волновало и иное. Ответ на мысли, теснившиеся в моей душе, я получила от другого бойца – хмурого, молчаливого богатыря.

– Как приятно, что вы находитесь, на фронте, – сказал он, – я слушал вас по радио, видел на многих концертах, но лучший концерт у вас был, по-моему, здесь. Спасибо нашему правительству, что оно заботится о нас и посылает к нам артистов.

Он угадал мои мысли и чувства: сознание, что приношу посильную пользу Родине, – это сознание дало мне возможность пережить одну из самых счастливых и сильных минут моей жизни».

/Воспоминания Л.Руслановой взяты из сборника «Музы вели в бой» – составитель С.Красильщик./

В.Ардов уже после войны писал о Л.Руслановой: «До конца жизни овация зрительного зала постоянно встречала величавую женщину в старинном

русском костюме, за которой, уважительно странно ступая, шёл человек с баяном».

Всю войну пела Лидия Русланова перед бойцами, и один из её концертов состоялся в рейхстаге:

«Находясь во фронтовой бригаде в мае 1945 года, Русланова пела сперва в самом здании рейхстага, а затем – на площади перед ним. И в этом была своя символика – русская песня дошагала до Берлина».

Из фронтового дневника Б.М.Филиппова

«18 августа...

Провожая нас, полковник Лизюков оглашает приказ о зачислении Владимира Яковлевича Хенкина и Лидии Андреевны Руслановой почётными красноармейцами 57-й танковой дивизии. В знак уважения к почётным красноармейцам им выдаётся легковая машина для доставки в следующую воинскую часть».

Тамара Степановна Ткаченко

народная артистка РСФСР, профессор

/Из воспоминаний об участии в 1-ой фронтовой бригаде артистов Москвы, присланных красным следопытам Тумановской средней школы и их руководителю Э.С.Гайдуковой 11.10.1984./

«Когда началась война, я работала солисткой балета в Большом Государственном театре СССР. Исполняла все ведущие партии характерной солистки в балетах: «Пламя Парижа», «Дон Кихот», «Конёк-Горбунок», «Лебединое озеро», «Спящая красавица» и т.д., много очень работала в концертах на лучших площадках страны, а также на фабриках, заводах, Дворцах культуры. Проводила занятия с бойцами по народному танцу. Танцевала с партнёром И.Д.Лентовским.

И вот в первых числах июля меня вызывают к директору Большого театра и говорят, что сформирована 1-я фронтовая бригада (сформирована политическим управлением Красной

Армии).

В 1-й Фронтовой были ведущие артисты страны /состав указывает Б.М.Филиппов в книге «Музы на фронте»/.

... 9 августа 1941 года нас всех собрали в сквере около Центрального дома Красной Армии. На наши проводы собралось много народу. Провожали нас родные, близкие, друзья. К 16 часам подъехала громадная машина-пятитонка. Народный артист СССР А.В.Александров произнёс напутственные слова, и мы отправились в путь... Вещей у нас было мало, если не считать чемоданы с костюмами, которые нам с Лентовским нужны были для выступления. В нашем репертуаре были испанский танец, цыганский танец, танец советских моряков «Яблочко», и я танцевала «Кабардинку» в мужском костюме: в чёрной черкеске с красным башлыком, в чёрной папахе и чёрных ичигах-сапогах.

В концерте каждый номер приходилось бисировать – с таким успехом они все проходили. Но усталости мы не чувствовали, такой был у всех подъём, и, глядя на лица бойцов, которые, возможно, после концерта пойдут в бой, спасая нас от немецких стервятников, хотели только одного – выступить как можно лучше. Во время поездки я была одета в чёрную юбку, берет, сапоги и защитного цвета гимнастёрку, подпоясанную широким кожаным ремнём, к которому была прикреплена металлическая кружка.

Путь наш лежал на Западный фронт. Уже когда стемнело, мы прибыли в Можайск и попали в момент воздушной тревоги. Мы стремглав проскакиваем город, на который падали зажигательные бомбы. Наш водитель Гриша свернул машину в ближайший лесок. Выжидаем, дальше ехать рискованно, дорога под контролем фашистских самолётов. В Гжатск попадаем ночью. Подъезжаем

прямо к Дому Красной Армии. Политрук потихоньку сообщает мне, что будем выступать в Гжатске, Вязьме, а там будет видно. Мы обслуживали все рода войск, не говоря уже о госпиталях. Очень волнительно было выступать перед ранеными бойцами. В госпитале в Гжатске нам показали пленного немецкого офицера. Он был поражён, что артисты приехали и в столь сложной обстановке дают концерт. Выступали мы обычно утром и днём, реже вечером и только в ДК.

За 17 дней дали 51 концерт.

Проезжаем деревеньки и видим грустную картину войны: обуглившиеся деревянные строения, погнувшиеся от огня кровати, кругом тихо. Безлюдно. Все ушли. Лишь по дорогам попадаются женщины, старики, дети, навьюченные тюками. Идут в сторону Москвы.

Переезжаем в Акатово. Первый концерт здесь происходит в грустной обстановке, на местном кладбище. Сценой служат два грузовика. Успех огромный. После выступления нас приглашают обедать, затем опять концерт, для другой части. Выезжаем на грузовике в деревню Старое, где даём ещё три концерта. Надо сказать, что бойцы – замечательный зритель: наш приезд – большой праздник. Актёров не отпускают, колоссально реагируют на каждое выступление.

Утром выезжаем в направлении Вязьмы, где находится штаб фронта. Из Вязьмы, на том же грузовике, выезжаем в разные точки. По дороге даём концерты в селениях: Бровкино и Столбове. Вечером возвращаемся в Гжатск.

Один из концертов дали в прославленном зенитном дивизионе капитана Русаченко, сбившем 35 фашистских самолётов. Следующее выступление в авиачасти у полковника Аладинского, затем в кавалерийской дивизии генерал-майора Дрейера. Следующее – в мотомеханизированной части подполковника Казанцева. Едем дальше, попадаем в часть, где нас встречали духовым оркестром.

Надо сказать, что я и Лентовский были корреспондентами «Вечерней Москвы», и моя мама имела сведения о нас только через газету.

Давали концерт в танковой дивизии Героя Советского Союза Мишулина и в танковой части Героя Советского Союза Лизюкова.

Затем нас отправили под Ельню. Пришлось ночевать в сарайчике, набитом сеном. По звуку самолётов поняли, что идёт налёт на Москву.

Следующей точкой был санбат. Оттуда нам прислали самолёты, и мы перебрались в Ржев. Далее путь лежал на Москву.

Участие в первой фронтовой бригаде под руководством Бориса Михайловича Филиппова оставило у меня неизгладимые впечатления, и было приятно осознавать, что и мы, артисты, внесли свой скромный вклад в разгром фашистских захватчиков и приближали Победу».

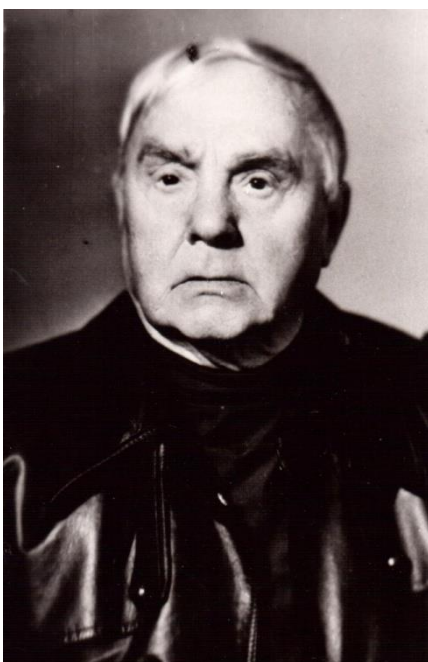
Весёлым духом бригады был Владимир Яковлевич Хенкин. Хенкин – человек неутомимый, энергичный. Народный артист РСФСР Менглет уже после войны писал о нём: «Хенкин не возвышался над публикой, держался с залом по-свойски. Выступая перед красноармейцами в дни войны, он так же просто разговаривал с ними и шутил не только на сцене, но и на привалах. Пройдя через войну, Владимир Яковлевич остался таким же молодым, весёлым: «Этот кругленький, маленький человек с острыми глазами-буравчиками казался моложе нас, молодых. Предложи ему стул – тотчас попадешь под разящий удар его юмора. Он сказал бы: «Хочу на ручки, - и сел бы мне на колени».

«19 августа. До фронта – 5- километров. По заданию политотдела армии выступаем в Н-ской

дивизии в 11 часов. Аудитория – почти все москвичи: это народное ополчение. Люди всех возрастов, много интеллигенции, большая группа студентов Московского изоинститута имени Сурикова»... (Из Дневника Б.М.Филиппова.)

Глава вторая

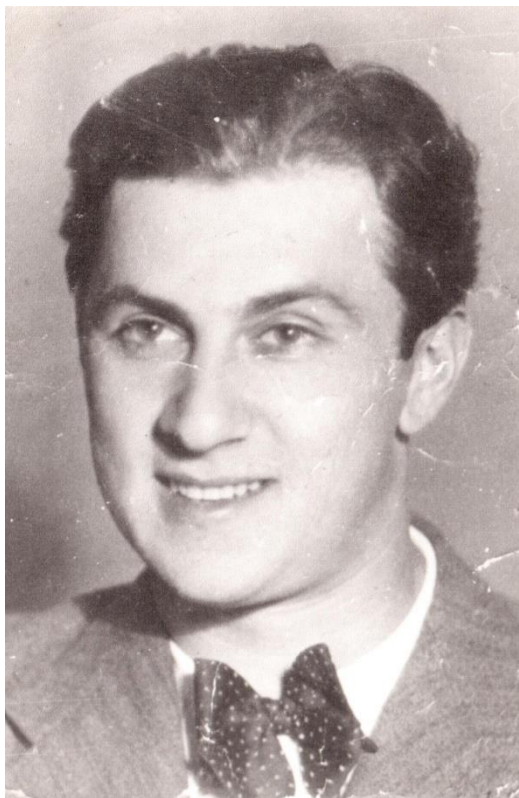
... Так велело нам сердце: прочь откинув сомненья,

В то суровое время мы пошли в ополченье.
Сколько было, я помню, в наших дружных колоннах
Сталеваров известных, сколько было учёных,
Неизвестных поэтов, подружившихся с песней, -
В ополченье шли люди самых разных профессий!
Мы приняли под Вязьмой боевое крещение,
А солдатами стали в декабре, в наступленье.

.....
Сколько раз ещё вспомним, как во славу Отчизны
Шли на штурм ополченцы из московских дивизий!
Мы дошли до Берлина, позабыв про усталость,
На последней проверке нас так мало осталось!

/Я.Шведов. Московским ополченцам/

Околота Юрий Дмитриевич...

В мае 1986 года красные следопыты совершили поход по родному краю, по местам боёв, во время которого встретились с очевидцем гибели одного бойца, запомнившего необычную фамилию – Околота Юрий Дмитриевич...

В ходе долгих поисков удалось разыскать друзей Юрия Дмитриевича. Откликнулся, прочитав нашу заметку «Отзовитесь!» в газете «Вечерняя Москва», артист Михаил Гурьевич Гривков (он оказался нашим земляком).

«Дорогие ребята! 50 лет я ничего не знал о судьбе своего друга. В 1938 году в театрально-музыкальное училище имени Глазунова, где я учился, поступил по конкурсу Юрий Дмитриевич Околота. Одновременно с учёбой он работал на радио. Жил вдвоём с матерью. Началась война. Юрий вместе с другими студентами записался в ополчение. В 1941 году пропал без вести. Мать долго разыскивала могилу сына, но так и умерла, ничего не узнав о его судьбе».

Разыскали следопыты ещё одного друга Юрия. Им оказался народный артист СССР, солист Большого театра СССР, лауреат Государственной премии СССР Иван Иванович Петров. Вот выдержки из его письма.

«... О Юрии Дмитриевиче Околоте. Мы с ним были однокурсники, учились вместе с 1938 года до начала Великой Отечественной войны. Юра был скромный, честный, глубоко порядочный человек, за что мы его любили. Он был очень привлекательным молодым человеком. Немного выше среднего роста, очень стройный, с копной тёмных волос на голове, с открытым и приветливым взглядом тёмно-карих глаз. Ну что говорить? Красивый парень! Он обладал очень нежным, приятным по тембру голосом, был очень музыкальным... Пел арии Ленского из «Евгения Онегина», Индийского гостя из «Садко»..., пел также русские, неаполитанские песни. Мы были очень дружны с Юрой, и если я собирался на какой-нибудь спектакль или в музей, то он тут как тут... Учёба у нас шла довольно хорошо, но вдруг грянула война, и все наши планы и надежды на будущее рухнули... Юра вместе с другими ушёл в ополчение. И вот первая грустная весточка от вас...»

Имя Юрия Дмитриевича Околота увековечено на одной из мемориальных досок на братском воинском захоронении в с.Бывалицы (что рядом с Тумановом).

Жестокая война не щадит никого: ни старых, ни молодых, ей безразлично, кого убивать – талантливого музыканта или хлебороба, учёного или писателя...

Судьба **Ивана Ивановича Петрова** сложилась иначе.

Когда началась война, ансамбль оперы расформировали, а Ивана Ивановича Петрова (Краузе) в качестве солиста филармонии отправили на обслуживание воинских частей.

В составе фронтовой бригады он выступал на разных фронтах (в том числе и Западном). «Сначала поехали на Брянский фронт. Зима была страшно холодная. Температура всё время держалась около 20 градусов, а бывало и холоднее. А какие у нас концертные залы были? В лучшем случае изба. Или же просто выступали на опушке леса под ёлками. Или в разбитой церкви, где ни окон, ни дверей и такие сквозняки, что хуже, чем на открытом воздухе. А чаще всего выступали в землянках. Из части в часть мы шли пешком, а в саночки складывали свой скарб. Порой же нас перевозили на лошадях, запряжённых в сани.

За шесть месяцев на двух фронтах мы дали около трёхсот концертов. Начинали ансамблем «Идёт война народная, священная война». Дальше шли дуэты и сольные номера. Когда пели на открытом воздухе, то к концу концерта челюсти сводило, и я еле-еле выговаривал слова.

Но ни разу никто не заболел, не простудился: такое было ощущение, что наше дело нужно для фронта, для победы.

Немцы нас тоже слушали и по-своему «аплодировали»: обстреливали нас из миномётов. Вот мы поём в землянке, закончился номер – бух! – на нас сыплется земля. Это немецкие «аплодисменты».

Ходы сообщений на передовой были не очень глубокие, поэтому приходилось всё время идти, согнувшись, особенно мне с моим ростом 1 метр 90 сантиметров. Чуть поднимешь голову – сразу свистят пули. А немецкие снайперы попадали здорово. Иногда передвигались просто ползком.

Особенно запомнился один концерт в землянке. Солдаты располагались кто на нарах, кто прямо на полу, а артисты занимали место в уголке. В полный свой рост я не мог стоять в землянке, поэтому садился на табуретку или на ящик из-под патронов. Сидя в обнимочку со столбиком, который подпирал потолок в землянке, я и пел.

И вот как-то идёт такой концерт, как вдруг встаёт старшина и, назвав несколько фамилий, командует: «За мной!» Ну, военное дело. Ушли. Мы продолжали концерт. Через полчаса открываются двери, и по крутой лестнице солдаты скатываются вниз и волокут пленного немца. У того глаза на лбу от испуга. А сержант говорит: «Товарищи артисты, вы нам дали такой концерт! Мы должны же вас чем-то отблагодарить. Цветов нет, конфет тоже, для

подарка ничего нет. Поэтому мы решили пойти во вражеское расположение, завязали там бой, двух часовых уложили, а одного взяли в плен. И вот этот «язык» - наш подарок за ваш прекрасный концерт».

Мы смотрели с каким-то восторженным удивлением на этих молодых ребят. Какой боевой дух! И нам было приятно, что и мы в какой-то степени способствовали этому!

Однажды мы пели на опушке леса дуэт Карася и Одарки из «Запорожца». Когда Одарка начала нападать на Карася: «Аж две ночи не ночевал, где ты пропадал?..» - и бросилась на него с кулаками, над нашими головами вдруг просвистел снаряд. Тут я в паузе говорю: «Бачишь?» И как только я это сказал, такой смех раздался!

Как-то после концерта мы разместились в двух землянках. Вдруг вбегают полевой и взволнованно командует: «Чтобы в течение трёх минут духу вашего здесь не было! Машина ждёт!»

Мы быстро собрались, влезли в грузовик, однако Павлик Воловов замешкался. Мы стали его звать. Наконец он появился. Мы помогли ему взобраться в кузов, и в эту минуту раздался страшный взрыв. Снаряд угодил прямо в землянку, из которой вышел Воловов, и на этом месте образовалась огромная яма. Ударная волна была такой силы, что некоторые из нас чуть не вылетели из машины. Этот случай потряс нас и на всю жизнь остался в памяти».

Через полгода после фронтовых концертов, 30 апреля 1945 года, Иван Иванович Петров стал солистом Большого театра СССР. Но и после этого считал долгом держать связь с армией. «Мы продолжали обслуживать фронты, выезжали в действующую армию. И все последующие годы всегда с удовольствием выступал перед солдатами и офицерами, за что получил немало почётных грамот и благодарностей».

27 лет проработал Иван Иванович Петров в Большом театре оперы и балета СССР.

Исполнял ведущие партии:

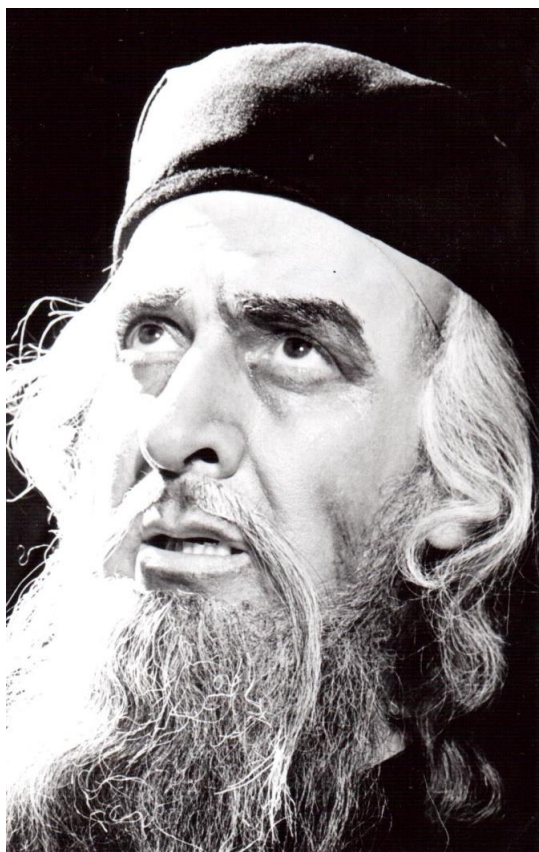
В операх М. Глинки «Руслан и Людмила» - Руслан,

«Иван Сусанин»- Иван Сусанин

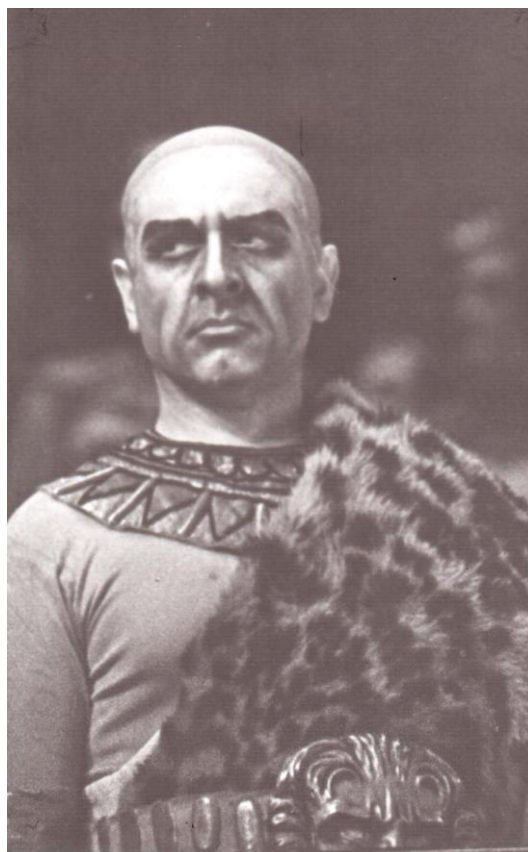
А.Бородин – «Князь Игорь» - князь Игорь, Владимир Галицкий,

М.Мусоргский – «Борис Годунов» - Борис Годунов,

«Хованщина» - Досифей,

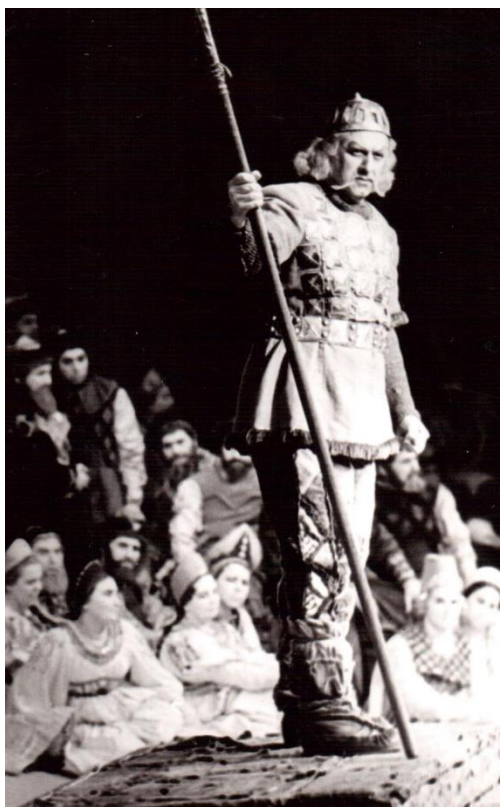
Досифей. М.Мусоргский- «Хованщина»

жрец Рамسيس. Д.Верди - «Аида»

Руслан. М.Глинка - «Руслан и Людмила»

Садко. Н.Римский-Корсаков - «Садко»

Филипп II. Д.Верди- «Дон Карлос»

Иван Сусанин. М.Глинка- «Иван Сусанин»

Бестужев. Ю.Шапорин- «Декабристы»

Д.Верди – «Аида» - жрец Рамсис, «Дон Карлос» - Филипп,
Н.Римский-Корсаков – «Садко» - Варяжский гость, морской царь,
Ю.Шапорин – «Декабристы» - Бестужев,
П.Чайковский – «Мазепа» - Кочубей,
С.Рахманинов – «Алеко» - Алеко,
Гуно – «Фауст» - Мефистофель и другие.
Иван Петров – исполнитель романсов на стихи:
А.С.Пушкина: «В крови горит огонь желанья», «Не пой, красавица, при
при мне», «Анчар», «Пророк», «Редает облаков летучая
гряда», «Для берегов отчизны дальней», «Сожжённое
письмо», «Узник», «Я вас любил» и др.
М.Ю.Лермонтова: «Мне грустно», «Из-под таинственной холодной
полумаски», «Слышу ли голос твой», «Желанье»,
«Два великана» и др.
И.С.Тургенева: «Утро туманное, утро седое»
В.Жуковского: «Ночной смотр» и др.
И.И.Петров – прекрасный исполнитель русских народных песен:
«Эй, ухнем», «Из-за острова на стрежень»,
«Вдоль по Питерской», «Вечерний звон»,
«Дубинушка», «Вот мчится тройка почтовая» и др.

До последних дней жизни Иван Иванович поддерживал связь с красными следопытами и их руководителем.

Глава третья ***Из фронтового дневника Б.М.Филиппова*** (продолжение главы первой)

«20 августа... Днём снова в Вязьме. За короткое время немало перемен, разрушенные бомбёжками дома. Госпиталь цел, но в нём тоже новость: вместе с нашими ранеными бойцами в палатах лежат раненые немцы, взятые в плен. Они пользуются уходом врачей наравне с красноармейцами».

С радостью встречали артистов бойцы: «Так жадно принимать концерт могли только те, кто изголодался по искусству и любит его. Что же касается артистов, - пишет Б.М.Филиппов, - это народ удивительный. Настроение у них меняется мгновенно. Аплодисменты всегда были для актёров прибавкой к заработной плате. А здесь это стало не только основным, но и единственным вознаграждением».

22 августа. Артисты выступают перед лётчиками. «Начинаем концерт. Выступают баянисты, певец Гаркави исполняет свой «Синий платочек», и

вдруг команда: «Лётный состав ко мне! Поблагодарим артистов. Вынуждены сделать перерыв!»

Экипажи бегут к своим самолётам.

– Мы будем ждать вас, товарищи! – кричит им вслед Гаркави. – Объявляю вынужденный антракт. А за песенку «Синий платочек» «угостите» врагов дополнительной порцией ваших «гостинцев».

Прошло больше часа, когда все экипажи возвратились (и без потерь!).

Капитан Чумаков подходит к Гаркави: «Вы знаете, всю дорогу пел ваш «Синий платочек». Приклеилась ко мне эта песня. Сброшу бомбу на фашистов и пою:

Порой этот синий платочек
Падал с опущенных плеч...
Ты говорила, что не забыла
Ласковых, радостных встреч.

И вы знаете, как только спою это словечко «падал», бомба как будто сама падает из самолёта и точно накрывает цель. Теперь всегда буду петь вашу песенку!»

После Западного фронта первая фронтовая бригада артистов Москвы под руководством Б.М.Филиппова выступала и на других фронтах, но поездка под Вязьму была первой и потому, наверное, и самой памятной.

«Дорогие красные следопыты!

Спасибо за добрую память к старому участнику и руководителю 1-ой фронтовой бригады Москвы, побывавшей на Западном фронте в ваших краях в самое тяжкое время для нашей Родины.

Поздравляю Вас с праздником Победы
9 мая.

Желаю успехов в учёбе и патриотическом деле поисков новых материалов для Вашего школьного музея.

С приветом Борис Филиппов
3.05.1982г.»

Глава четвёртая

Артист переднего края

«Артистом переднего края» называет Б.М.Филиппов Сергея Балашова, диктора Всесоюзного радио, известного чтеца.

«Балашов был всегда артистом переднего края. Когда фашисты были на подступах к Москве, 20 октября 1941 года, Балашов читает по радио статью Алексея Толстого «Кровь народа», призывающую к борьбе с врагом. До этого с бригадой артистов московских театров и эстрады он дважды вылетает на военном самолёте в части действующей армии и выступает вблизи от фронта. Эта бригада (возглавлял её М.М.Шапиро) продолжила работу первой фронтовой бригады и действовала на фронте с 29 августа по 20 сентября – Я выступал иногда в самой необыкновенной обстановке. Приходилось мне читать и стоя на станке, прямо в цехе, и на боевой башне линкора, и с паровоза читал... Но всё это нельзя сравнивать с тем, что мы почувствовали сейчас, на фронте...

Ни на одном самом торжественном концерте в Москве я так не волновался, как в этот вечер, стоя на полуторке с откинутыми бортами. Концерт прошёл с огромным успехом.

А потом выяснилось ... знаете, на чём держались открытые борта грузовика? На больших фугасных бомбах, которые, как колонны, подпирали нашу эстраду. Откровенно говоря, мне показалось, что у меня по спине холодок пробежал. Однако я поднялся снова на грузовик и говорю: «Товарищи, вот тут под нами, оказывается, поддерживая нас, стоят довольно серьёзные предметы известного вам назначения. Желаем вам, товарищи, сбросить их в точно намеченную цель. От имени наших артистов я прошу вас отправить каждую из этих бомб по назначению!»

- Отправим с довесочком! - кричат мне из «зала»- из-под крыла самолёта.

Через два дня после возвращения в Москву Балашов в составе новой группы по заданию Московского горкома партии вновь выезжает на Западный фронт в механизированную дивизию Героя Советского Союза полковника А.И. Лизюкова. Под Вязьму. Бригаду возглавляла депутат Верховного Совета РСФСР народная артистка СССР В. Барсова, в её составе были солисты балета Большого театра СССР О. Лепешинская и А. Мессерер.

народная артистка СССР В. Барсова

*солистка балета Большого театра СССР
О. Лепешинская*

*солист балета Большого театра СССР
А. Мессерер*

7 ноября 1941 года Балашов снова на Западном фронте. Вот он что вспоминает об этом дне: «Сегодня впервые осмелился выступить на передовой. Сопровождал меня комиссар части Мешков. Шли лесом. Вскоре остановились около широкой просеки. Бывший полигон был хорошо виден со стороны противника и легко простреливался из миномётов.

У последних сосен, скрывающих нас от неприятеля, комиссар сказал:

- Стихи читать сегодня будете близко от немцев. Настолько близко, что «Во весь голос» Маяковского придётся прочесть шёпотом.

Я невольно подумал, что это неплохой каламбур.

- Ну что же. Ползти надо... если боитесь, вернёмся назад и даю вам слово, что о вашей слабости никто не узнает.

Простые человеческие слова меня настолько взволновали, что мне показалось – решительности хватит, чтобы пройти опасную зону, если «не во весь голос», то во весь рост. Я знал, что там, на передовой, бойцы

предупреждены о приезде артиста. Меня ждут. Дальше, через просеку, меня провожал ещё появившийся откуда-то из леса автоматчик.

- По-пластунски ползать умеешь?- спросил он.

- Стихи читаю лучше!- отвечал я.

- Ну тогда ложись и ползи за мной. Не отставай, а лучше всего держись за мой сапог... Крепче держись. И мы поползли.

Со стороны противника просека, по-видимому, просматривалась сквозь редкие деревья. Когда мы доползли до середины, начался миномётный огонь, и что-то просвистело над головами.

-Перелёт!..- крикнул нам комиссар, ползший за нами. Сапог автоматчика, за который я надёжно держался, уже воспринимался мной как спасательный круг.

-Ближе к земле держись!- крикнул, не оборачиваясь, боец.

Вторая мина легла где-то слева. Ещё минута- мы доползли до безопасного места и нырнули в окопы, где меня встретили как родного брата.

Я поздравил бойцов с праздником и читал им Маяковского. Читал радостно и даже с антрактом для общего перекура. Мой проводник автоматчик Уточкин молча достал из кармана яркий кисет, скрутил сигарку и, угощая меня своим табаком, сказал:

-Попробуйте нашего, сибирского. Табачок, правда, крепенький. Немцы его курить не могут, задыхаются.

Вот, товарищ артист, нас вчера перед праздником начальство побаловало: автобус-баню на передовую прислали, тело моё солдатское освежили, а ты сегодня. Спасибо тебе, душу мою освежил!..

Глава пятая

Смоленские артисты на Западном фронте

В первые же дни войны на Западный фронт выехала труппа и нашего Смоленского драмтеатра. В состав её входили артисты: Н.А.Зиновьева, В.С.Нильский, В.И.Неклюдов, Т.А.Калачевская, В.И.Лихачёв, Н.И.Ястребов, Г.И.Юченков и другие артисты во главе с директором Г.С.Лялиным и художественным руководителем Асеевым.

Свои спектакли они репетировали в трудных походных условиях, но все выступления пользовались огромным успехом у бойцов, хотя спектакли проходили на двух составленных грузовиках. А декорациями были полотнища бархата.

Особенно горячо встречали фронтовики монтажи «Ленин», «За Родину», «Суворов».

Удалось даже поставить пьесу К. Симонова «Парень из нашего города», где роль Варвары играла Ната Александровна Зиновьева.

«Блестяще справилась с ролью Варвары тов. Зиновьева. Мы в ней узнавали наших боевых подруг, которые вместе с нами громят врага», - писали воины о талантливой игре актрисы.

Затем театру пришлось зарыть своё имущество в землю и перебраться в тыл. Но и там он не прекращал своего существования.

Нам посчастливилось близко знать заслуженную артистку РСФСР Тамару Александровну Калачевскую. Талантливая и скромная, она тепло и радушно встречала в своей маленькой комнатухе в Смоленске красных следопытов. С Тамарой Александровной мы поддерживали тесную связь до последних дней её жизни.

В нашем школьном музее хранятся её письма, поздравления. С большой любовью Т.А. Калачевская всегда говорила о Красной Армии:

«Любовь народа к нашей славной армии так велика, что её праздник является и нашим праздником», - писала она следопытам.

Тамара Александровна знала, что такое война: спектакли Смоленского драмтеатра, в которых участвовала и она, проходили на передовой нередко под свист пуль и снарядов. Она знала, как тяжело досталась победа, которую приближала и она, работник искусства.

Поздравляя нас с Днём Победы, Т.А. Калачевская писала: «Для нас, людей старшего поколения, это незабываемый день торжества Победы нашего народа, его Вооружённых сил: и в эти дни я вспоминаю, как все мы ликовали, как все смоляне вышли на улицы, и стихийно возникла многолюдная демонстрация. Радости не было предела».

В тяжкие дни Великой Отечественной войны советские артисты все силы души, свой талант, своё искусство отдавали борьбе с ненавистным врагом, приближали Победу!

Глава шестая

Горькая судьба бригады №13

В сентябре 1941 года на Западный фронт, под Вязьму, из Москвы направлялась бригада №13. Выехала она 13 сентября с площади Коммуны ровно в 13 часов в количестве 13 человек. И даже суточные им были установлены 13 рублей!

Бригаду сформировал Центральный Дом работников искусств, а возглавил новый директор ЦДРИ (до него был Филиппов Б.М.) Лев Исаевич Лебедев.

Обстановка на фронте обострилась. Враг приближался к столице. 7 октября (в этот день фашисты оккупировали Вязьму) застало бригаду в лесу, немного западнее Вязьмы. Вместе с какой-то безымянной воинской частью артистам пришлось выходить из окружения.

«Шли до рассвета. Мох под ногами и деревья покрылись инеем. Впереди расстилалось широкое поле, на просторах которого солдат и актёров неожиданно встретил ожесточённый пулемётный огонь. В воздухе изредка рвались мины».

(Б.Филиппов. «Музы на фронте».)

Осколками мины были ранены Лебедев, Холодов, Мирсков, трагически погибли Р.Корф и Я.Рудин.

К двадцатилетию со дня великой Победы советских войск над гитлеровскими ордами в Центральном доме актёра в Москве открылась мемориальная доска с именами деятелей столичных театров, отдавших свою жизнь за Родину в годы Великой Отечественной войны. Среди многих имён высечены также имена Рафаила Григорьевича Корфа и Якова Михайловича Рудина.

Вечная слава советским актёрам-воинам, погибшим в борьбе против фашизма!

Яков Халецкий. Любимые артисты уходили...

Любимые артисты уходили
Туда, где шла народная война,-
И навсегда такие молодые
На мраморе остались имена.

Они шутить и в горький час умели,
Их песня так бойцам была нужна!
И светлый май в простреленной шинели
На мрамор записал их имена.

В боях срывался их аккорд последний,
А дальше наступала тишина...

Но в шуме дней, как добрый луч Победы,
На мраморе горят их имена.

МУЗЫ НЕ МОЛЧАТ
Стихи Е. Нефёдова
Музыка Г. Мовсисяна

Так было на планете в старину,
Как только звал на битву голос трубный,
Смолкали музы, слушая войну,
Но в наши дни молчание преступно.

Припев:

Пожар войны долой, гремите над землей
Раскаты песен межконтинентальных.
Пусть они звучат, пусть в сердцах стучат.
Когда бьют пушки, музы не молчат.
Пусть они звучат, пусть в сердцах стучат.
Когда бьют пушки, музы не молчат.
Вставай сражаться, песен арсенал,
Вставай на битву яростно и грозно.
Испытанный «Интернационал»,
И «Марсельеза», и «Бандьера россая».

Припев.

Для песен нет границ и нет оков,
Они сильнее, чем бомбы и ракеты.
Сливайтесь, голоса материков,
В один антивоенный хор планеты.

Припев.

Когда бьют пушки, музы не молчат,
Не молчат.

Часть II

Считаем своё перо мобилизованным

Глава первая

«...Каждый советский писатель готов все свои силы, всю свою кровь, если это понадобится, отдать делу священной народной войны против врагов нашей Родины!».

(Из резолюции митинга писателей Москвы. 22 июня 1941 г.)

Алексей Сурков: «Когда 22 июня я пробился в Главное политическое управление Красной Армии на Гоголевском бульваре, то встретил там поэтов, прозаиков, драматургов, критиков: не ожидая мобилизационных повесток, они посчитали своим долгом явиться туда, чтобы предложить свой талант и жизнь всенародному патриотическому делу защиты Отечества. Были тут Владимир Ставский и Александр Твардовский, и

Александр Безыменский, и более молодые поэты - Симонов, Долматовский, Алтаузен, были тут... трудно их упомянуть и перечислить все имена тех, кто в первый день войны получил назначение, обмундирование и оружие, чтобы отправиться на юг, на запад, на север, во фронтовые, армейские, дивизионные газеты...»

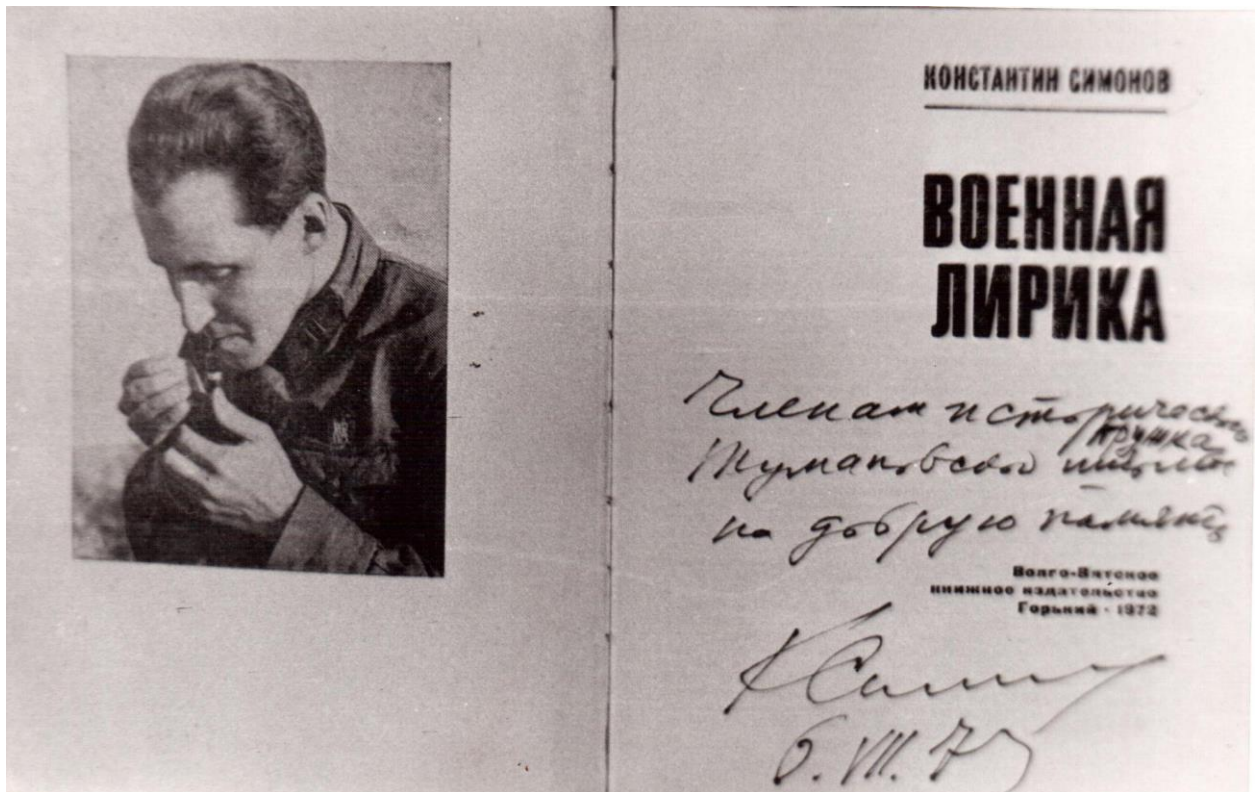
«...В те дни, когда весь наш советский народ гневно поднялся на отпор фашистской чумной гадине, мы, работники советской литературы, считаем своё перо мобилизованным на оборону великой отчизны. Перо в нашей стране приравнено к штыку. Его остриё направлено против врага... а если понадобится, и наши жизни будут отданы в бою за Родину».

Из обращения писателей Сибири 24 июня 1941 г.

Сотни советских писателей ушли на фронт, когда Родина оказалась в опасности. Поэты, драматурги, прозаики создавали произведения, звавшие советских людей на разгром врага.

От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С лейкой и с блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли.

К. Симонов. Корреспондентская застольная.

За героизм и мужество 500 советских писателей и поэтов награждены орденами и медалями, а 10 удостоены звания Героя Советского Союза.

Они были в самых горячих точках. Около 300 погибли смертью храбрых в боях за Родину, в том числе и у нас на Смоленщине, и под Вязьмой.

1941 год. Западный фронт. Командующий 19-й армией генерал И. Конев вспоминает: «Я командую 19-й армией. Развёртываются бои под Смоленском... В это время ко мне приехали три писателя - А. Фадеев, М. Шолохов, Е. Петров.

Михаил Шолохов, Александр Фадеев и Евгений Петров у командующего Западным фронтом генерал-лейтенанта И. С. Конева. 1941 г.

Наша встреча для писателей явилась полезной тем, что я почувствовал: страна правильно понимает, как нелегко нам приходится, и вот лучшие её писатели приходят к нам, солдатам, идут на передовую, в боевые порядки. Не скрою, в те дни это было для нас большой моральной поддержкой».

Вместе с солдатами были писатели в пекле войны, с ними пережили все тяготы

и ужасы, являлись свидетелями их героизма и мужества, поэтому так ждали бойцы их очерков, от которых веяло правдой, потому что сами хорошо знали эту правду.

Жив ты или помер-
Главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать.

И они гибли, но задания выполняли, выполняли свой гражданский долг перед Родиной. Так было под Вязьмой в суровом 1941-м.

Глава вторая Погибли под Вязьмой.

Михаил Шолохов посвятил свой очерк «Честная жизнь» ростовскому писателю старшему политруку Александру Бусыгину, ставшему литературным сотрудником газеты «К победе» в 19 армии. С большой любовью вспоминает Шолохов о Бусыгине, с гордостью - о его мужестве.

«Александр Бусыгин один из тех, кто отдал свою жизнь за Родину, чью память мы свято чтим, кого забыть мы не вправе и не в силах».

Однажды, находясь вместе с Александром в машине, попали под бомбёжку, немцы взяли в «вилку», а Саша даже не дрогнул, только говорил, только говорил: «Врёшь, не возьмёшь, гадюка!»

Шолохов вспоминает: «Если уцелею,- говорил Бусыгин, - вот о ком буду писать после войны! Не налюбуюсь!» А любовался он мужественными солдатами и офицерами, скупыми на похвалу, которые ласково отзывались о нём: «Бусыгин-то? Саша Кучерявый? Он всегда с нами. Это настоящий парень!»

В письмах к жене и сыну Бусыгин раскрывался как истинный патриот Родины, всей душой ненавидящий фашистских захватчиков, веривший в победу над коварным врагом: «Не бывать тому, чтобы идиоты победили могучие славянские народы. Бежит сволочь фашистская! Ой, как бежит!»

Или другое: «Родной мой сынок Юра! Мы опять погнали фашистов. Это, сынок, такие дряни: подымают, а всё же хотят укусить. Но мы им все зубы пообломаем!»

Даже в суровые дни 1941-го года Саша верил в победу: «Детка моя, война кончится тогда, когда мы разобьём кровавого Гитлера. Дела у нас по-прежнему идут хорошо. Бьём фашистов, не уступаем ни вершка», - писал он жене.

Но не довелось исполниться мечтам Саши, дожить до светлого дня освобождения: погиб он в одном из боёв в районе Бабьих Гор, юго-восточнее Вязьмы. Погиб, надёжный друг, славный ростовчанин, Александр Бусыгин, прикрывая из пулемёта отход своих товарищей осенью 1941 года.

Погибли и его братья по перу, сотрудники газеты «К победе»: Григорий Гридов, Михаил Штительман, Григорий Кац, Лев Перевозкин, Евгений

Дорошенко, Иван Соловьёв, Александр Тяпкин, Борис Стругач, Пётр Ключ, Семён Хавкин, Владимир Лобачёв, Михаил Шецер, Абрам Гандкин.

Григорий Кац

Григорий Гридов

Михаил Штит'ельман

Имена писателей- ростовчан увековечены на мемориальной доске на Екатерининском кладбище в Вязьме.

На могилу земляков приезжали из Ростова-на-Дону их боевые товарищи, а вязьмичи бережно хранят память о героях-писателях.

Марк Серебрянский

Коммунист, писатель, воин.

До войны Марк Исакович работал в Институте мировой литературы имени Горького заведующим сектором советской литературы. Он автор многих литературных исследований: «Владимир Маяковский», «Дмитрий Фурманов», «Николай Островский» и другие. Серебрянского любили и уважали. Принципиальный, скромный, внимательный к людям, он был избран секретарём институтской партийной организации. Работал над подготовкой одного из томов истории советской литературы. Он успел начерно подготовить 20 листов, но долг советского патриота заставил его сменить должность научного работника на винтовку и перо писателя армейской газеты.

В июне 1941 года Серебрянский добровольцем пошёл на войну - сначала в ополчение, а затем был отозван ПУРОм и направлен в армейскую газету «За честь Родины».

В сентябре 1941 года в «Комсомольской правде» были напечатаны его фронтовые записки.

«Из писем, посланных с фронта жене и детям, вырисовывается облик Серебрянского - писателя и воина, беспредельно преданного Родине и идеалам коммунизма, честно и доблестно делавшего своё нужное и опасное дело». (В. Карпотин.)

«Итак, по собственному желанию я в армии, газетчик-фронтвик. Материал собираю прямо в

частях и два дня тому назад получил «боевое крещение», был в самом пекле. Когда увидимся, расскажу. Товарища моего ранило в ногу. Ну и денёк был! В общем, всё в порядке - жив, здоров, чувствую себя хорошо» (письмо от 21.8.1941 г.).

Он не хотел тревожить родных. Ранен был сам, но остался в строю. Своей жене Марк писал: «Скажи детям, что папа их выполняет свой долг советского писателя и работает, как надо, в рядах Красной Армии».

« 5 сентября 1941 года - последнее фронтовое письмо Марка Серебрянского.- Я писал тебе, что много работаю. Езжу на позиции, собираю материал, обратно с ним в редакцию и снова на фронт... За вас, мои дорогие, за моих детей, за нашу мать- Родину, которая дала нам всё».

Он погиб под Вязьмой, выполнив до конца долг коммуниста, воина и советского писателя.

Глава третья Писатели-ополченцы

Николай Афрамеев – наш земляк (родился в г.Вязьма в семье железнодорожника), поэт, писатель. Он был секретарём Литфонда, принимал участие в организации Дома творчества писателей имени Серафимовича «Малеевка».

В первые же дни Великой Отечественной войны Николай Сергеевич Афрамеев – немолодой уже человек (родился в 1894г.) – вступает вместе с другими писателями в дивизию народного ополчения Краснопресненского района Москвы.

На фронте он был принят в партию.

Осенью 1941 года дивизия попала в окружение под Вязьмой. В тяжёлых боях пали смертью храбрых многие писатели-бойцы, среди них – и Н.С.Афрамеев.

Вместе с Николаем Афрамеевым стал ополченцем Краснопресненской дивизии талантливый писатель Шалва Виссарионович Сослани. В 1924 году он приехал в Москву из Тифлиса, где увидела свет книжка его стихов на грузинском языке, но необычным, удивительным писателем, которого высоко ценили А.Белый, А.Фадеев, М.Светлов, С.Антонов, М.Горький, стал в Москве.

Критик О.Резник вспоминает о Шалве Сослани: «Я хорошо помню порывистого, экспансивного кавказца, который в начале 30-х годов с маху «въехал» в литературу на своём романтическом «коне». Его «странная повесть «Конь и Кэтевана» очаровала многих.

А.Белый: «Я прочёл Вашу яркую, душистую книгу; общее впечатление: свежего, весеннего ветра».

А. Фадеев: «Шалико! Мне чертовски понравилась твоя работа. О таком стиле, поистине живописном и романтическом- умном- ироническом можно сказать, что ему одному будет дана широкая дорога».

С.П. Антонов: «...Прочитал короткие повести Шалвы Сослани- «Конь и Кэтевана» и «Ача». Эти повести поразили меня ясностью мысли, романтической приподнятостью, самобытной формой».

И такой своеобразный, талантливый писатель, «необыкновенный человек, незаурядный, ищущий в жизни нового, -по словам жены, мятущийся, никогда не успокаивающийся, в трудный для Родины час ушёл защищать её, оказавшись в самом пекле- на Западном фронте.

Из писем Шалвы Сослани жене - Лали Сослани из действующей армии.
«7-8 августа 1941г.

Лала, Лала!

Что тебе написать, моя любимая?

...Сейчас стоим против врага в районе Смоленска, в деревне Холонка... И ты знай, смерти я не боюсь. Моё бессмертие, я знаю, уже написано этим же пером гораздо раньше, чем какая-либо пуля сможет сразить меня. Но мне больно от того, что я вижу: наше государство в таком тяжком положении, и наша победа потребует очень больших усилий и жертв. ...Эта кровавая реальность полна для меня и фантастичности и романтизма.

Даже вот сейчас, когда я тебе пишу эти строки, над моей головой в листьях нескошенного овса и кустов среди ржаного поля, куда я залёг, со свистом пролетают пули».

3 сентября 1941 г.

... Сколько мы прошли бесконечных пространств. Лучше бы мне попасть прямо в бой, чем эти бесконечные переходы... Прошли около 40 километров. Дорога бесконечным полем, в дождь и ветер. И остановились в какой-то маленькой деревушке на берегу Днепра... Мы стоим в 30-40 километрах от врага. Если мы сумеем их отбросить, то пойдём вперёд, а если нет, они могут нас смять. Как трудно нам, особенно мне, при моей профессии, и трижды трудно - уроженцу нашей маленькой Грузии пройти эти бесконечные пространства. Жалко, если мои дневники со мной вместе здесь затеряются- очень бы хотелось, чтобы эти «походные тетради» сохранились, дошли до тебя, в них иногда успеваю записать свои впечатления, увиденное и услышанное, - жаль, если со мной вместе погибнут...» Это – последнее фронтовое письмо. В боях под Вязьмой, в октябре 1941 года, Шалва Сослани погиб. Не суждено было исполниться многим творческим планам писателя...

Григорий Емельянович Замчалов

Война застала писателя в момент напряжённой работы над повестью о социалистическом сельском хозяйстве.

«Нельзя ждать, когда позовут, - говорил в первый же день объявления войны Григорий Емельянович.- Нужно самим, добровольно, брать в руки винтовки и идти защищать наше Отечество!»

А на второй день он подал заявление в Военную комиссию Союза советских писателей с просьбой «послать на любой участок, где потребуются все мои силы и сама жизнь для нашей Родины».

В июле месяце вместе с другими писателями, учёными, художниками, артистами в рядах Московского народного ополчения ушёл сражаться с ненавистным врагом..

Рядовым 2-ой роты 22 стрелкового полка 8-й Московской ополченческой дивизии сражался писатель-фронтовик Григорий Емельянович Замчалов. Вместе со многими другими защитниками Родины сложил он голову под Вязьмой осенью сорок первого года.

Осенью 1941 года в боях под Вязьмой погиб писатель **Самуил**

Израилевич Росин, в июле 1941-го вместе с другими московскими писателями вступивший в ряды защитников Родины.

Алексей Сурков: «Я читаю стихи еврейского поэта Самуила Росина, московского ополченца, погибшего в «вяземско-смоленском «котле», и вижу его, живого, такого талантливого лирика и принципиального, непримиримого участника литературных боёв 30-х годов. Это был человек чистой, младенчески бескорыстной души и большого, светлого поэтического дара».

/Из предисловия А.Суркова к сборнику «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне»./

В первые же дни Великой Отечественной войны **Вадим Константинович Стрельченко** вступил в народное ополчение и погиб в январе 1942 года под Вязьмой, будучи командиром отделения, в возрасте 29 лет.

Владимир Владимирович Тренин

Среди имён писателей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, - имя Владимира Владимировича Тренина. Критик и литературовед, он посвятил свой талант исследователя творчеству В.В. Маяковского.

Тренин был широко образованным человеком, знатоком русской, советской литературы, свободно владел иностранными языками.

Когда началась Великая Отечественная война, вступает в ряды народного ополчения. В лесах Подмосковья, неподалёку от Вязьмы, он принял свой первый бой. По свидетельству товарищей, бывших в те дни рядом с Владимиром Трениным, он мужественно справлялся с тяготами военной жизни, быстро привыкал к боевой обстановке, был спокоен, подбадривал товарищей.

В одном из тяжких, кровопролитных боёв под Вязьмой в октябре 1941 года Владимир Тренин погиб, защищая Москву.

Пал смертью храбрых осенью 1941 года и ополченец- писатель- драматург
Марк Яковлевич Триггер.

Сколько оборванных пульей талантов, ненаписанных книг, несбывшихся мечтаний!

Николай Сарапкин

Строка, оборванная пулей

Там лес стоит, как в карауле,
В морозный день и в летний зной
Строку, оборванную пулей,
Нашли мы в книжке записной.

Нашли, когда похоронили
Солдата, павшего в бою.
Мы все солдатами там были,

На том, на огненном краю!

Пробила пуля все листочки
И в сердце русское впилась.
В те недописанные строчки
Кровь алым заревом вплелась.

Писал на ложе автомата,
Плечом к окопу привалясь.
Судьба такая у солдата –
Иль в жизни жить, иль мертвым пасть.

Рожден в Орле, а может, в Туле,
А похоронен под Москвой.
Строка, оборванная пулей...
Он – как строка из книжки той.

Часть III

Художник и война

Глава первая

Нелегко художнику-солдату,
Краток на путях войны привал,
Наш товарищ фронтовой когда-то
Нас в часы досуга рисовал.

Эти строки из стихотворения А.Кешокова «Незавершённый портрет» словно сказаны о народном художнике России скульпторе Альберте Георгиевиче Сергееве, большом друге красных следопытов нашей школы. Ему было всего 15 лет, когда началась война, а в неполные 18 он ушёл на фронт.

Вот выдержки из его письма.

«Это был уже 1944-45 победный год. Прибалтийский фронт. Между Тукумсом и Либавой была отрезана и прижата к морю так называемая Курляндская группировка фашистских войск, занимавшая часть Литвы и Латвии.

Вначале я служил в пехоте. За быстрые ноги, сообразительность и хорошую ориентацию на местности меня часто назначали связным в штаб батальона.

Однажды я дежурил в штабе батальона. Вдруг порвалась связь; я пошёл по линии связи, которая тянулась по полям и перелескам. Часто выстрелы и разрывы раздавались с разных сторон, приходилось зачастую ползком двигаться вперёд. Наконец нашёл обрыв провода. Стянул концы, а зачистить нечем, пришлось зубами, а телефонисты крутят аппараты. Меня бьёт током. Еле перегрыз оплётку и соединил провода.

Вскоре из пехоты я попал в истребительный противотанковый полк, в наблюдатели за огневыми точками противника. Нас было трое. Мы с утра до вечера наносили на карту места, откуда противник вёл огонь. Для этих целей на высоком дереве была установлена стереотруба. Бывало, что немцы засекали отблеск трубы и тогда засыпали нас минами.

В свободное время от наблюдений рисовал своих товарищей. Вспоминал службу в пехоте, как рисовал на листах бумаги спящего солдата, тот потом отсылал родным. Получив ответ, солдат передавал благодарность от родных. После таких писем-желаний было очень много получить рисунок.

Кто хотел послать портрет невесте,
Кто родных порадовать спешил:
– Нарисуй меня, но честь по чести,
Безбородным, как до фронта был.
И художник на клочках бумаги
Рисовал, досуга не пеня,
Как-то раз в одном глухом овраге
Рисовал, друзей своих любя.

Тогда я ещё не понимал родительского счастья от незамысловатого рисунка их сына, выполненного неизвестным для них рисовальщиком.

Ранят, иль убьют бойца, но дома
На стене висит его портрет.
И одной улыбкою знакомой
Утешает в том, что писем нет.

8 мая 1945 года. Наш полк стоял тогда в Прибалтике. Война закончилась. Запомнился этот день особенно. Вызывают нашу разведгруппу и направляют в расположение немцев среди бела дня. Предварительно сапёры сделали нам проход в минном поле. Задание – выяснить, как там ведут себя немцы. Белые флаги выбросили, но оружие ещё не собираются сдавать.

Между боями. Художник и его герой.

Вышли мы на первую линию немецкой обороны, они все с оружием, а у нас ничего нет. С нами старший офицер и переводчик. Оказалось, что акт о капитуляции ещё не подписан, мы рано к ним пришли. Идём дальше вдоль траншей, картина одна и та же, все в полном боевом, сдаваться пока не собираются.

Пошли к своим прямо через минное поле, обходя натянутые взрыватели.

Стало известно, что по немецкому времени капитуляция была подписана 8 мая, а по московскому – 9 мая 1945 года.

После того, как капитуляция была принята, наш 764-й Армейский истребительно-противотанковый Севастопольский, Краснознамённый гвардейский полк, где я был полковым разведчиком, сняли с линии фронта».

Война стала одной из главных тем творчества А.Г.Сергеева: он создаёт монументальные скульптуры – «Скорбящая мать», «Штык», памятник первым гвардейцам в Ельне. Бюсты генерал-лейтенанта И.Н.Руссиянова и маршала Г.К.Жукова установлены в Ельне, Героя Советского Союза М.А.Егорова – в Рудне и Смоленске. Бюст Героя Российской Федерации гвардии старшего лейтенанта лётчицы Екатерины Васильевны Будановой, нашей землячки,

Альберт Георгиевич преподнёс в дар красным следопытам Тумановской средней школы.

Памятник Скорбящая мать. 1965.

Памятник советской гвардии, рождённой в боях под Ельней. 1971. Фрагмент.

Бюст Е.В.Будановой

Памятник «Александр Твардовский и Василий Тёркин»

Глава вторая

Художник-фронтовик В.А.Бармин

В нашем музее хранятся и работы художника-фронтовика Валентина Александровича Бармина.

«... Я не могу забыть те кровавые дни, которые пришлось пережить. Особенно свежо в памяти освобождение от гитлеровцев Ленинградской области, зимние дни 1944 года, когда мы извергов этих гнали и уничтожали...

В траве некошеной – замученный ребёнок,
Смерть не дала ему больших ресниц смежить,
И светлые глаза глядят как бы спросонок
На этот мир в цвету, где я остался жить.
И вспомнив вдруг о том, что за посёлком где-то
Мать жаркую слезу смахнёт с лица тайком,
Не жду я от друзей ни вздоха, ни ответа, –
Хочу я одного – врага найти штыком!

/М.Голодный. Над убитым ребёнком./

Помню, преследуя врага, встречался с подростками-партизанами, которым в ту пору было 14-15 лет... Помню женщин и стариков, встречавших нас с радостью и восторгом на освобождённой земле...».

Картины В.А.Бармина, подаренные следопытам, небольшие по размеру, но глубокие по содержанию.

Багровые и тёмные краски (чёрная, тёмно-зелёная, синяя), используемые автором, создают впечатление настоящей войны с её кровью и потерями. «Перед боем», «В атаку!»

Если я на поле ратном,
Испустив предсмертный стон,
Упаду в огне закатном
Вражьей пулею сражён,
Пусть боец,
Зажав винтовку твёрдо,
Отомстит за смерть мою,
За страдания народа
И за Родину мою!

/Владимир Чугуев. Перед атакой./

Я шёл в атаку, твёрдо шёл туда,
Где непрерывно выстрелы звучали,
Чтоб на земле фашисты никогда
С игрушками детей не разлучали.

/Джек Алтаузен. Родина смотрела на меня./

«Ни шагу назад!»
Под ливнем стали перекрёстным
Упал боец на пулемёт.
Он в звёздный миг под небом звёздным
Открыл для взвода путь вперёд.
И так всегда. В любом движенье
Есть тот, кто жертвует собой.
И на него, держа равненье,
Выходят люди в наступленье,
Победно завершая бой.

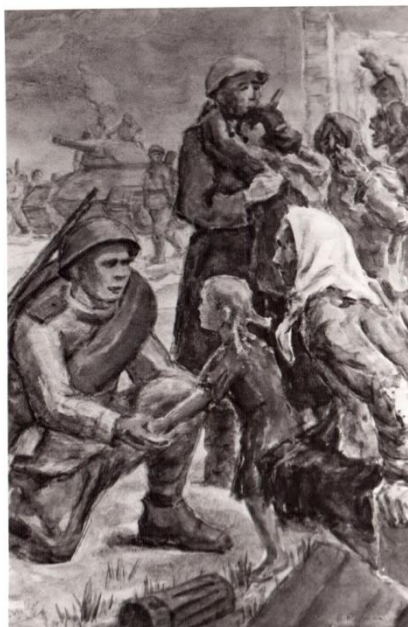
/Сергей Баренец. Рубежи./

«Песня о Родине», «В партизаны», «Наши идут», «Освобождение, и другие.
Наброски картин сделаны на фронте, а написаны уже после войны.
Художник прославляет мужество советского солдата, радость освобождения.

Победа!
И столько чувств во мне боролось!
Я слышал в имени твоём
И детский смех, и женский голос,
И радостных салютов гром.

/Е.Букин. Победа/

Своими произведениями Валентин Бармин пробуждает чувство патриотизма, воспитывает любовь к Родине.

«Радость со слезами»

«Освобождение»

Глава третья

Дорогами войны

«По дорогам войны» - так называлась выставка произведений московского художника Ивана Викентьевича Царевича.

«Красным следопытам Тумановской средней школы на память», - написал он на книге, подаренной музею.

Вся жизнь военного художника связана с 33-ей армией. С ней он прошёл дорогами войны от Москвы до Берлина.

Через поля, леса, чугунный лед,
Всегда кипучая, всегда живая,
Спешит, неугомонная, вперед
Дорога боевая, фронтовая.
Ее враги безжалостно бомбят,
Мосты и переправы разрушая.
Змеею изовьется и опять
Спешит вперед дорога фронтовая.
И там, где даже трактор не пройдет,
Конь остановится, по брюхо, увязая,
Идут бойцы, солдат зовет вперед
Дорога боевая, фронтовая.

1944

В. Сидоров

Вся жизнь военного художника началась с того, что он добровольно ушёл в народное ополчение. До 1942 года И.В. Царевич был рядовым бойцом пулемётной роты, затем художником дивизионной газеты «За Родину», армейской газеты «За правое дело».

В составе 110-й стрелковой дивизии он сражался с фашистами. Всё, что пришлось увидеть, пережить, художник стремился отразить в своих рисунках.

Портреты бойцов, проявивших особое мужество, картины боя стали появляться в «боевых листках». Это поднимало боевой дух солдата.

Часто по заданию редакции Иван Викентьевич выезжал на передовую. Там он делал зарисовки непосредственно на полях сражений. По ним можно проследить боевой путь 33-армии.

Следопытам нашей школы посчастливилось побывать на выставке Царевича «По дорогам войны», которая проходила в 1987 году в Вязьме, встретиться с автором картин. Хороши были портреты юного героя Виктора Ронжина, разведчика Омаркула Ахметова, снайпера Д.Гуляева и другие.

Невозможно равнодушно смотреть на картины боя, разрушенные города, сожжённые деревни, развалины Вязьмы, зверства фашистских оккупантов на завоёванной земле. Тема войны - большая часть жизни и творчества художника - фронтовика Ивана Викентьевича Царевича.

Он, как и другие художники, внёс немалый вклад в разгром гитлеровской Германии.

Часть IV

Фронтовые репортёры

Глава первая

Яков Халип

Фотограф армейской газеты,
Поклон тебе и похвала!
Стареют слова и поэты –
Твои не стареют дела.

Вадим Шефнер

Репортёры сурового военного времени... Создавая в музее экспозицию «Музы на фронте», красные следопыты установили связь с тремя талантливыми фотокорреспондентами, внёсшими огромный вклад в летопись Великой Отечественной войны, приближая Победу, ставшими нашими незаменимыми помощниками и друзьями.

Яков Николаевич Халип...

Свой первый снимок он сделал в 1924 году стареньким отцовским фотоаппаратом «Кодак», который заряжался одной – единственной плёнкой. Это был снимок в день похорон В.И.Ленина зимней Красной площади, и помещён он был в школьной стенгазете. Тогда Яша учился в 8 классе. А после школы началась беспокойная жизнь профессионального фоторепортёра. Поиски, путешествия по Советскому Союзу... Михаил Иванович Калинин вручил ему орден «Знак Почёта» за снимки «Северный полюс №1» - «19 февраля 1838 года», «Северный полюс закончил работу», признанные одними из лучших, – результат плавания к папанинской льдине.

Немало он поездил по родной стране в годы первых пятилеток, снимая героев труда. Эти правдивые фото – уже исторические снимки – свидетельство нашей довоенной советской истории.

Жестокая война прервала мирную жизнь.

« В связи с тем, что бумага необходима на более серьёзные цели, прошу закрыть журнал «Советское фото», а меня направить в действующую армию фотокорреспондентом», – написал в отдел ЦК партии ответственный редактор журнала Яков Николаевич Халип.

- Обратитесь в редакцию «Красной звезды», они отправят вас на фронт.

Первые военные снимки Якова Халипа появились в «Красной звезде» в августе 1941 года.

Когда стало известно, что лётчик Виктор Киселёв из одного истребительного полка, защищавшего небо Москвы, протаранил немецкий бомбардировщик, в полк сразу же выехал корреспондент «Красной звезды» писатель Алексей Николаевич Толстой в сопровождении Якова Халипа, который сделал три памятных снимка: А.Толстой беседует с лётчиками истребительного полка, с героем будущего очерка Виктором Киселёвым и Киселёв дарит писателю найденный в сбитом бомбардировщике портсигар-зажигалку с секретом со своей надписью: «Вам, Алексей Николаевич, в мой знаменательный день л-т Киселёв».

Эти фото тогда же были опубликованы в «Красной звезде» и тоже стали историческими.

В августе сорок первого года вместе с Константином Симоновым Яков Халип отправился в осаждённую Одессу. Там они быстро сработались и сдружились. Для Халипа это было первое боевое крещение. О том, как оно прошло, Симонов записал в своём дневнике: «Когда мы подошли, румыны дали несколько миномётных залпов... довольно близко. Халип, посмотрев в абсолютно серое дождливое небо, довольно спокойно сказал, что из снимка всё равно ничего хорошего не выйдет, но что же, он будет снимать, недаром, же мы, в конце концов, шли сюда. Он вынул под дождём свой аппарат и стал примериваться к миномётчикам. Они в это время вели огонь по немцам.

Румыны снова стали бить из пулемётов.

Миномётчики сидели в окопах, а снимать приходилось сверху, стоя в чистом поле. Однако делать было нечего, и Яша, ворча, стал снимать их, переходя с места на место.

...В ответ на ворчание Яши, что при такой погоде вообще неизвестно, какая нужна выдержка, я сказал ему, чтобы он снимал на тик-так.

- Я на тик-так не могу, у меня руки дрожат, - сказал Халип.

Но и после этого откровенного признания продолжал отвратительно долго и тщательно, с разных позиций, снимать миномётчиков, несмотря на свои дрожащие руки.

- Молодец, - сказал мне Балашов (комиссар).- Вот ведь как боится, а всё-таки снимает. Так и все мы. В этом всё дело на войне. А больше ничего особенного на войне и нет».

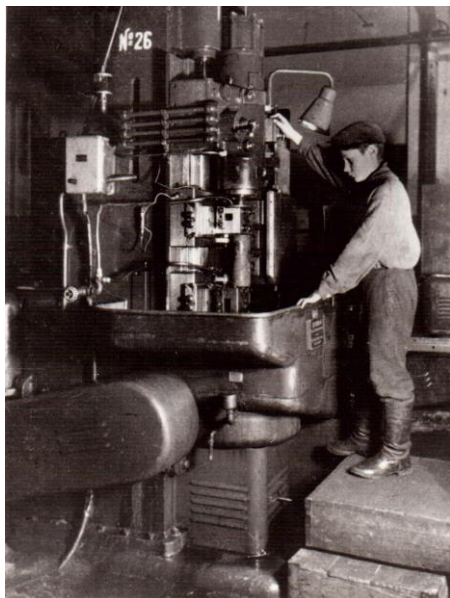
Уже после войны Симонов к этим записям в дневнике написал:

«Не скажу, чтобы Яков Николаевич был бесшабашного характера, человеком, которому «море по колено», да он и не строил из себя храбреца, как это пытались сделать некоторые другие. Но у него была одна черта, вызывавшая к нему глубокое уважение, - он выполнял свои обязанности, не отступая ни перед какими трудностями. Только и всего. А больше, между прочим, на войне от человека и не требуется».

Своё репортёрское задание в первую поездку на фронт Я.Халип сделал быстро, понимая, что в те дни требовалось для газеты.

Узнав, что в бараках на окраине Одессы скопилось много пленных, он сразу же помчался туда. Там их действительно набралось человек двести. Халип и

подумал: в «Красной звезде» уже печатались фото пленных, но ведь снимков такой группы ещё не было. Это будет настоящая «сенсация»! Приехал Халип и стал фотографировать. Плёнки он отправил в Москву. 30 августа в «Красной звезде» был напечатан снимок с подписью: «Румынские солдаты и офицеры, захваченные в плен нашими войсками во время последних боёв под Одессой». (Снимок сделан 28 августа. Доставлен в Москву самолётом.)

В экспозиции «Музы на фронте» представлены

снимки Я.Н.Халипа 1941-го года.

«Уходят от фашистов». Босой «старик» тащит тачку, нагруженную домашним скарбом. Рядом с ним небольшой сынишка, а сзади толкают поклажу, очевидно, жена и ещё один малыш. Уходят, бросив родную хату. Только бы успеть! Только не фашистская неволя! Боль и ненависть к фашистам вызывает увиденное на фото.

Это тогда, в сорок первом, Константин Симонов записал в своём дневнике: «Фотокорреспондент мог запечатлеть это горе, только сняв его, и он был прав!» «Дядя Саша»...

Подросток – мальчик, которому не было больше четырнадцати лет, стоит в больших солдатских сапогах, наверняка полуголодный (лицо его бледно) стоит у станка на ящике, но и это ему мало помогает: приходится тянуться... Этот худенький мальчонка помогает фронту, выполняя норму, а может быть, и больше – за своего отца, старшего брата, которые сражаются с фашистами.

О таких, как этот рано повзрослевший мальчик, говорил К.Симонов: «Они были тоже защитниками Москвы, как и их взрослые братья, отцы, сёстры, и если когда-нибудь в столице на площади будет воздвигнут памятник обороны Москвы, то среди бронзовых фигур рядом с отцом, держащим автомат, должен стоять сын, сделавший ему этот автомат осенью 1941 года».

Одними фронтовыми дорогами прошли поэт и писатель Константин Симонов и фотограф Яков Халип.

Особенно дороги нам снимки, сделанные в Вязьме в марте 1943 года.

В своём письме красным следопытам Яков Николаевич написал: «Здесь (в Вязьме) появилась целая серия первого дня освобождения города 12 марта 1943 года. В то время я и снял Константина Симонова с кинохроникёром Романом Карменом».

На обороте фотографии – «Раннее утро 12 марта 1943 года. В освобождённой Вязьме».

К.Симонов и Р.Кармен стоят рядом с указателем «Nach Wjasma».

Они не замечают ни дыма, ни грязи на сапогах и одежде. Они переполнены одним чувством – радостью победы: Вязьма свободна!

Раннее утро 12 марта 1943
В освобожденной Вязьме.
(Табличка сорвана у в'езда
в город "NACH WIASMA")
Герои Сов. Труда
Писатель Н. М. Симонов
и кино-хроникер Роман Кармен.

Фото Ивана Кашка
на память Средн. школе - Туманов
Краснои Сидоровича.

Был поэт в Вязьме и суровой осенью 1941 года, когда пришлось покинуть город, в который ворвались фашистские оккупанты. (Позднее он напишет знаменитое стихотворенье «Дом в Вязьме».)

Дом в Вязьме

Я помню в Вязьме старый дом.
Одну лишь ночь мы жили в нём.

Мы ели то, что бог послал,
И пили, что шофёр достал.

Мы уезжали в бой чуть свет.
Кто был в ту ночь, иных уж нет.

Но знаю я, что в смертный час
За тем столом он вспомнил нас.

В ту ночь, готовясь умирать,
Навек забыли мы, как лгать,

Как изменять, как быть скупым,
Как над добром дрожать своим.

Хлеб пополам, кров пополам -
Так жизнь в ту ночь открылась нам.

Я помню в Вязьме старый дом.
В день мира прах его с трудом

Найдём среди выжженных печей
И обгорелых кирпичей,

Но мы складчину соберём
И вновь построим этот дом,

С такой же печкой и столом
И накрест клееным стеклом.

Чтоб было в доме всё точь-в-точь
Как в ту нам памятную ночь.

И если кто-нибудь из нас
Рубашку другу не отдаст,

Хлеб не поделит пополам,
Солжёт или изменит нам,

Иль, находясь в чинах больших,
Друзей забудет фронтовых,-

Мы суд солдатский соберём
И в этот дом его сошлём.

Пусть посидит один в дому,
Как будто утром в бой ему,

Как будто, если лжёт сейчас,
Он, может, лжёт в последний раз,

Как будто хлеба не даёт
Тому, кто к вечеру умрёт,

И палец подаёт тому,
Кто завтра жизнь спасёт ему.

Пусть вместо нас лишь горький стыд
Ночь за столом с ним просидит.

Мы, встретясь, по его глазам
Прочтём: он был иль не был там.

Коль не был, - значит, неспроста,
Коль не был - совесть нечиста.

Но если был, мы ничего
Не спросим больше у него.

Он вновь по гроб нам будет мил,
Пусть честно скажет: - Я там был.

1943

К.Симонов

И вот теперь он пришёл в Вязьму как освободитель!

А вот ещё снимок: «В освобождённой Вязьме». Только-только советские воины прогнали фашистов из города: ещё не рассеялся запах гари, а на центральной площади уже открыта первая фотовыставка. На наспех сделанных стендах, укреплённых на столбах, фотографии, обличающие зверства фашистов: виселицы, горящие деревни, дети, оставшиеся сиротами. На других

снимках — мгновения радости освобождения, встречи с армией-освободительницей. Вверху надпись крупными буквами:

«Знамя Советов реет над освобождённой землёй!». У стендов первые посетители: люди, перенёсшие ужасы фашистской оккупации. Вот пожилая женщина в старом платке и пальто. Горестно смотрит она на фотографии, где горят деревни. И на вяземской земле полыхали свои Хатыни, когда фашистские палачи заживо сжигали стариков, женщин, детей. Может быть, кто-то из её родных погиб в адском пламени?

Мальчишка, скорее всего в отцовской кепке и пиджаке, улыбается в объектив (Радость-то какая! И он будет на снимке!)

Молодая женщина, солдаты-освободители жадно рассматривают фотографии.

Горе, пережитое людьми в дни оккупации, и радость освобождения – сумел запечатлеть талантливый фотограф Яков Николаевич Халип!

Среди многих человеческих качеств Я.Н.Халипа надо отметить одно – душевное отношение к людям, с которыми сталкивала его военная судьба. С большим уважением он относился к фронтовикам. Это помогло ему и в дни войны и много лет спустя после её окончания разыскивать людей, с которыми встречался на фронте.

Приведу лишь один пример.

В холодный весенний день 1943 года Халип был в только что освобождённом городке Новошахтинске, который весь лежал в руинах.

Проезжая по его центральной улице, возле одного из разрушенных домов корреспондент увидел группу бойцов и услышал мелодичные звуки скрипки. Подъехал поближе. На битом кирпиче сидели и полукругом стояли разведчики полка, освободившего город, в шинелях, шапках-ушанках, а на возвышенности у печной трубы в одной гимнастёрке с копной развевающихся на ветру волос

стоял боец и играл на скрипке. Это был тоже разведчик – Виктор Андреевич Мирошников. Халип выскочил из машины и запечатлел на плёнке до глубины души взволновавшую его картину. Послал снимок в «Красную звезду». Его напечатали с подписью: «В перерыве между боями. Автоматчик Мирошников выступает перед своими товарищами».

Смотришь на этот снимок и представляешь: только что окончился бой. Где-то ещё рвутся снаряды, грохочут пушки, а у разрушенного фашистами дома, где возвышается среди кирпичей лишь остов печки, собрались бойцы, чтобы послушать иную музыку – чистую, душевную, как воспоминание солдат о доме. Музыка плывёт над развалинами, вливается светлым потоком в души красноармейцев, и для них уже не существует войны. Все взгляды бойцов устремлены на солдата со скрипкой. Фотограф навечно остановил этот миг.

...Минувшим с людьми поделиться

Тебе полномочья даны, –

Бойцов благородные лица

Глядят на меня из войны.

Вадим Шефнер

После войны Яков Николаевич разыскал героя снимка Мирошникова. Узнал, что тот живёт в Латвии, работает преподавателем по классу скрипки в музыкальной школе. Они встретились. В Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялась выставка фотографий Халипа, и среди многих фотографий на видном месте был тот самый снимок со скрипачом, но с другой подписью – «Ноктюрн». На выставку пригласили Мирошникова. После того, как рассказали историю этого фото, бывший разведчик вынул из футляра скрипку и сыграл ту самую мелодию, которую Халип слышал в Новошахтинске.

Именно за этот снимок Якову Николаевичу были вручены диплом и серебряная медаль.

После войны Я.Н.Халип – спецкор журнала «Советский Союз».

Выставки фронтового корреспондента пользовались огромным успехом не только с Советском Союзе, но и за рубежом. Большой интерес к его творчеству проявили жители Праги.

С фотографий Я.Халипа смотрит сама история: К.Симонов и А.Твардовский, В.Чкалов и Ю.Гагарин, герои труда.

До последних дней жизни Яков Николаевич поддерживал связь с красными следопытами. Нам не довелось встретиться с талантливым фоторепортёром: война догнала его уже после войны. Запомнилась тёплая встреча в Москве, на квартире, с женой Якова Николаевича Агнией Павловной Халип, которая поддерживала связь со следопытами. В музее бережно хранятся письма, поздравления, фотографии душевного человека, вездесущего фронтового репортёра Я.Н.Халипа, ставшие реликвиями, и его жены.

Из переписки Якова Николаевича Халипа с красными следопытами Тумановской средней школы и их руководителем Эмилией Степановной Гайдуковой

«Москва 3/VI 78г.

Дорогие друзья красные следопыты!

Это хорошо, что уважаемая Раиса Ив.Смирнова дала вам мои координаты (из музея г.Вязьмы).

Спешу вам ответить и пообещать порыться в моём фотоархиве, напечатать и послать вам несколько фото. Из всех указанных вами мест я и К.М.Симонов были в городе Вязьме, в остальных я не был, хотя фотографии все есть у Смирновой. Но обещаю посмотреть и поискать.

Желаю всем вам, ребята, хорошего, плодотворного отдыха – перед учёбой.

Добрых следопытских поисков и успехов, обещаю помочь чем могу.

Отличного вам здоровья.

Б.воен.корр-т «Красной Звезды» Як.Халип».

«1/IX -78г.

Дорогие друзья, милые красные следопыты!

Я не был в Москве около 2-х месяцев – снимал в Ленинграде и по всей Литве – по тем местам, где был в 1944 в июле-августе, когда освобождали эту республику.

Поэтому я сдам тему о Литве и даю слово выполнить обещание – прислать вам, ребята, фотографии.

Жму вам лапы.

Яков Халип».

«Москва 28/ IX-79г.

Дорогие ребята – красные следопыты!

Получил ваше трогательное письмо. Это огромное горе для всех людей планеты, а для нас особенно, ибо это был наш близкий друг и фронтовой товарищ. Мне довелось и посчастливилось пройти с К.М.Симоновым по трудным и тяжким дорогам войны.

Вместе были в марте 12 1943 года, и, видимо, фото у вас в музее есть. Либо я вам пришлю тоже. Есть ли у вас в школе музей славы? Я через два дня выеду в ГДР, т.к. в Берлине будет моя фотовыставка – везу туда более 100 работ за 50 лет моей работы в фотографии.

Желаю вам, друзья, доброго здоровья, отличной учёбы и успеха в жизни.

Обещаю написать вам из ГДР.

Ваш друг Яков Халип – капитан запаса».

«Москва, 27 октября 1979г.

Уважаемая Эмилия Степановна!

Книжка К.Симонова была подписана в своё время с моей помощью. Тогда же я послал фотографию В.Смирновой в музей Вязьмы и несколько снимков 1-го дня освобождения города 12 марта 1943 года, в то время я и снял Константина Михайловича вместе с кинохроникёром Романом Карменом.

Из 3-х указанных Вами писателей знал по войне Твардовского – постараюсь найти в архиве негатив и напечатать вам для школы. Остальных 2-х писателей не фотографировал.

Ещё раз всего Вам доброго, до встречи в Москве.

Свою военную фотографию также обещаю напечатать, если найду, то вместе с К.М. в г.Вязьма.

С уважением Яков Халип».

«Славным тумановским следопытам и руководителю-преподавателю литературы милой и уважаемой Эмилии Степановне мой сердечный привет и поздравление к Великому празднику Октября! От души желаю всем доброго здоровья, большого счастья, успеха в учёбе, хорошего праздничного настроения. До встречи в Москве. Если время позволит и съёмки не будет – непременно постараюсь попасть на встречу 5-го – 7-го ноября. Вашу просьбу выполню. Фотографии Дорогого нам человека и Большого писателя обещаю либо прислать или лично передам в Москве.

Эмилия Степановна! Мои телефоны:

редакция – 2291019 и 2291453

домашний – 1980153

С уважением Яков Халип.

29 октября 1979г.».

5-7 ноября 1979 года красные следопыты нашей школы принимали участие во Всесоюзном слёте следопытов, ведущих поиск по 8-ой ВА и 586 ИАП. У Большого театра проходила встреча однополчан Кати Будановой, нашей землячки – героической лётчицы.

«Яков Халип 79-80. С Новым годом! /Поздравительная открытка с Олимпийским Мишкой и письмо/.

Дорогим Красным следопытам мои наилучшие пожелания в Новом году!

Милая Эмилия!

Очень мне обидно – жаль, что не познакомился с Вами, не повидал и ребят – красных следопытов – тумановцев. Огромное Вам спасибо, дорогая, что написали добрые, хорошие слова и пожелания, но, к великому сожалению, довольно давно лежу – плохо с сердечком. Поэтому и задержался с ответом. Посылаю несколько фото (из архива – готовые). Поправлюсь, пришлю ещё, напечатаю специально для Вас. Если есть фото – Вы, Миля, с ребятами, пришлите, буду очень благодарен.

Всем следопытам привет и лучшие пожелания к 1980-му Новому году.

Декабрь 1979г. Яков Халип».

«Москва 17/1-80г.

Милая Эмилия!

Спасибо за подробное и очень обстоятельное письмо и весточку из родной Вязьмы, а также серию интересных фотографий вашей школы и ребят. Думаю, что Вы получили мою новогоднюю открытку, но ещё раз с Новым Олимпийским годом!

Желаю Вам, Вашей маме и всем Вашим воспитанникам – ученикам-следопытам Доброго – Олимпийского здоровья! Поправлюсь – напечатаю ещё. Я уже почти два месяца лежу (на спине) – сердечное заболевание и не двигаюсь. Вот так прижало, под наш юбилей 50 лет журналу «Советский Союз».

Всего наилучшего.
Жму лапу. С уважением Яков Халип».

«Москва 29/1-80г.

Спасибо за подробное, интересное и содержательное письмо. У меня пока ничего утешительного, уже пойдёт 3-й месяц моего лежания.

Кардиограммы мало улучшаются. Пока не разрешают вставать, а сил лежать уже не хватает. 2-3-го/II приедет профессор, скажет своё веское слово. Так что даже на торжественный вечер в честь 50-летия журнала «Сов. Союз» в Колонный зал Д.С.. не могу пойти.

Теперь хочу ответить на Ваши вопросы.

1-ое о моей фамилии? Халип (моя фамилия древнетатарская, раньше была ХАЛЫП).

2. Фотокорреспондент Руйкович работает в редакции нашего журнала «Советский Союз» - Москва К-31, ул.Москвина 8 – Руйкович Виктор Арсентьевич.

Напишите ему, он приедет и дополнит эту тему для журнала.

Мой самый сердечный привет Вам, Миля, Вашей маме и всем вашим ребятам - следопытам. Успеха в учёбе, здоровья, счастья и хорошего настроения всем вам.

Всего наилучшего.

С уважением Яков Халип».

«Уважаемая Эмилия!

Простите, не знаю Вашего отчества.

На последнее Ваше письмо Яков Николаевич не успел ответить. Он скончался 27 мая от острой сердечной недостаточности.

Конверт подписан его рукой.

Желаю Вам всего хорошего, успеха во всех делах.

С уважением Агния Павловна.

18.07.80г.»

Яков Николаевич Халип... Это благодаря ему, большому другу красных следопытов, в нашем музее появились уникальные снимки освобождённой Вязьмы, небольшой сборник стихов «Военная лирика» Константина Симонова с его знаменитым «Дом в Вязьме» с дарственной надписью, фотографии поэта разных лет.

Вот снимок 1941 года с автографом: «Красным следопытам Тумановской средней школы на память К.Симонов 1941-1978»

12 марта 1943 года – « Константин Симонов и Роман Кармен в день освобождения города», «К.Симонов на немецком кладбище под Вязьмой», « Константин Симонов с дочерью Машей» и др.

Талантливый репортёр, Патриот и Гражданин Яков Николаевич Халип навсегда останется в фотолетописи истории страны как создатель ярких, неповторимых картин фронтовой и мирной жизни нашей великой Родины.

Глава вторая Репортёр армейской газеты «За честь Родины»

В том же журнале «Советский Союз», где так долго работал Яков Николаевич Халип, самозабвенно трудился более 50 лет заслуженный деятель культуры РСФСР фотокорреспондент Виктор Авксентьевич Руйкович, ставший тоже большим другом красных следопытов нашей школы. А знакомство с ним стало результатом большой поисковой работы.

Справа налево: В. Тёмин, М.Калашников, В. Руйкович. 1942 г. Западный фронт

В марте 1943 года, когда освобождение пришло на тумановскую землю, в деревне Бели (совсем рядом с Тумановом) навстречу советским воинам вышли из какого-то подвала две маленькие девочки. Это были Валя и Нина Колосковы. Фоторепортёр В. Руйкович снял их. Так появилась фотография в газете «За честь Родины» 20-й Армии.

По грязной дороге бредут две девочки. Старшей- лет пять, младшей- годика три. Валя, старшая, в стареньком платьице, которое давно уже потеряло цвет, на ногах- валенки. В одной руке у неё узелок, другой бережно держит за руку сестрёнку, которая горько плачет, размазывая крохотной ручонкой слёзы по пыльному личику.

Невозможно на эту фотографию смотреть равнодушно!

Вот что рассказала Валя бойцам:

«У нас нет мамы. Она была у нас, а потом её угнали немцы. Они угоняли всех наших деревенских. Ходили по избам и кричали: «Матка, ком!» Когда мама уходила, бабушка говорила ей: «Возьми, дочка, узел, пропадёшь в дороге». А она не взяла и уехала в одном платье. Она сказала: «Я всё равно убегу, не надо мне ничего». А сама не убежала. Её немец не пустил. Мы стояли у машины и плакали. Особенно Нина, ведь она совсем маленькая. Мама говорила нам: « Не плачьте, детки, не надо!» А сама плакала.

Родненькие бойцы! Верните нам нашу маму. Ведь нам тяжело без неё, подумайте сами!

Низко кланяемся и просим. Прошу я, Валя, за себя и за Нину».

Фотография сестёр Колосковых и рассказ Вали были опубликованы во многих фронтовых газетах. За подписью «Валя Колоскова» следовало: деревня Бели Тумановского района.

Жгучую ненависть испытывали бойцы к фашистским оккупантам, крепче сжимали автоматы в руках и громили захватчиков: ведь у многих остались на оккупированной земле семьи с малыми детьми. «Запомни, воин, и отомсти! – с таким подзаголовком появлялся этот снимок во многих армейских газетах.

Долгое время к нам в музей приходили письма от ветеранов войны, учащихся, воинов Советской Армии с просьбой узнать о судьбе матери и детей Колосковых.

Лариков П.П., председатель Харьковской секции ветеранов 7-го механизированного корпуса, подполковник, написал, что в их газете «На штурм

врага» заметка и фотография девочек была опубликована 31 марта 1943 года.

Поиски увенчались успехом: мать Вали и Нины Марию Николаевну Колоскову, оказавшуюся в концлагере, в 1944 году освободили воины Советской Армии; в разных местах ей пришлось жить, затем возвратилась на Смоленщину, последнее время жила в Туманове, затем в Смоленске. Разыскали Валью – живёт в Одинцове Московской области, а Нину – в Ростове-на-Дону. Приезжая к матери, бывают в нашем школьном музее.

Колоскова М.Н., её дочь Нина с детьми и мужем у стен Тумановской школы.

Долгим и трудными был наш путь к автору снимка «Валя и Нина Колосковы».

На многочисленные письма, запросы получали неутешительные ответы: «Фотокорреспондента Виктора Руйковича не знаем».

Помощь пришла неожиданно. Решили обратиться к Якову Николаевичу Халипу. Может, он поможет в наших поисках?

Вскоре он сообщал нам, что Виктора Арсентьевича (на самом деле отчество Авксентьевич) хорошо знает, так как работает в том же журнале – «Советский Союз», и дал его адрес.

Теперь с нетерпением ждали вестей от Виктора Руйковича и очень обрадовались, получив письмо: «Я приеду к вам и, возможно, с художником

нашей газеты «За честь Родины» 20-й армии Западного фронта, с которым вместе стояли в деревне».

К сожалению, интенсивная работа и болезнь не дали возможности осуществить задуманное.

В Киевском военном округе в газете «Ленинское знамя» была помещена заметка «По цепи»: парторг красноармеец А.Ермаков над фотографией сделал надпись: «Прочти! Запомни!» и передал две газеты в оба конца траншеи. До вечера листки обошли всех бойцов.

Директор музея г.Кривой Рог написал, что в газете «За победу» фотография с рассказом Вали Колосковой опубликована была 2 марта 1944 года. Газета «Знамя Родины» напечатала корреспонденцию 16 февраля 1944 года.

Появлялась фотография и в газетах «Сталинец», «В атаку» и других.

Уже после войны ветераны, находя в архивах своей части фотографию и заметку, снова испытывали боль и ненависть к фашистам, не могли оставаться равнодушными.

В музее хранится письмо майора запаса В.Мольво «Читая его (рассказ Вали Колосковой), невольно думаешь: сколько таких осиротевших детей льют слёзы в Египте, Сирии, Иордании...

Мы проклинали фашистских агрессоров и били их за слёзы детей и матерей. Так пусть же будут прокляты агрессоры, несущие слёзы, горе и смерть!»

Как злободневны эти слова сейчас! Значит, и сейчас актуален снимок, сделанный Виктором Руйковичем в марте 1943 года!

Но встреча с талантливым фоторепортёром у нас состоялась, но не на тумановской земле, а в Москве.

В 1987 году большая группа красных следопытов нашей школы была участницей торжественного заседания Клуба юных историков и краеведов Москвы, посвящённого 45-летию Сталинградской битвы (мы рассказывали о нашей землячке, героической лётчице Кате Будановой, которая защищала небо Сталинграда).

Очень обрадовались, получив приглашение Виктора Авксентьевича посетить его фотовыставку, посвящённую 80-летию со дня рождения, в редакции журнала «Советский Союз».

Это была незабываемая встреча.

Как приятно было встретиться с легендарным фронтовым фотокорреспондентом!

Конечно, прежде всего, на огромной выставке мы увидели знакомый нам снимок Вали и Нины Колосковых!

А вот другие редкие фронтовые фотографии.

«Западный фронт. Лето 1942г. Фотокорреспонденты газеты «Правда» Виктор Тёмин, Михаил Калашников и Виктор Руйкович – фотокор газеты «За честь Родины».

«Западный фронт. Лето 1942 года. Виктор Руйкович и лётчик-штурмовик, Герой Советского Союза, награждённый тремя орденами Ленина, подполковник Шикаренков на земле Смоленской».

«1942 год. Смоленщина. Фото Виктора Тёмина. Снимают (справа налево): М.Калашников, «Правда», В.Руйкович, К.Симонов, редактор газеты 20-й А «За честь Родины» Княжко Г.М. и поэт Ал.Сурков».

Фотокора Виктора Руйковича интересует всё, вот почему темы его работ разнообразны: люди труда, прекрасные пейзажи Подмосковья, портреты маршала К.Жукова, писателя М.Шолохова, композитора Соловьёва-Седого. А вот снимок, сделанный в 1962 году в Крыму на даче М.Горького – космонавты Андриан Николаев, Юрий Гагарин, Павел Попович.

Все мы оставили свои автографы на большой юбилейной фотографии В.А.Руйковича, а на память о встрече подарили ему книгу В.С.Моложавенко «Костры памяти». Наш музей пополнился новыми фотографиями. Хранятся в нём письма и поздравления Виктора Авксентьевича. Он поддерживал связь с красными следопытами до последних дней своей жизни.

«26/IV-90. Мои дорогие друзья!

Всех поздравляю с праздником – большим – Днём Победы. Желаю всем хорошего настроения, несмотря на нашу нелёгкую жизнь. Но что поделаешь, уж такова судьба нашего народа.

В эту субботу я уезжаю отдыхать в наш дом отдыха – на Пицунду. Праздник буду отмечать там у моря. Посылаю вам свой снимок, сделанный в октябре месяце в Таджикистане (с моим коллегой – журналистом).

Остаюсь Ваш

Виктор Руйкович».

«3/III-99. Эмилия!

По-моему, было бы хорошо, когда Ваши дети будут в Москве, пусть руководитель позвонит мне (или Таня Новик) – 451-31-33, я сумею что-то передать с ней из моих снимков для музея.

Чувствую себя неважно

В.Руйкович».

Адрес: 125475 Москва,

ул.Дыбенко, 3-2-152.

Руйкович В.А.».

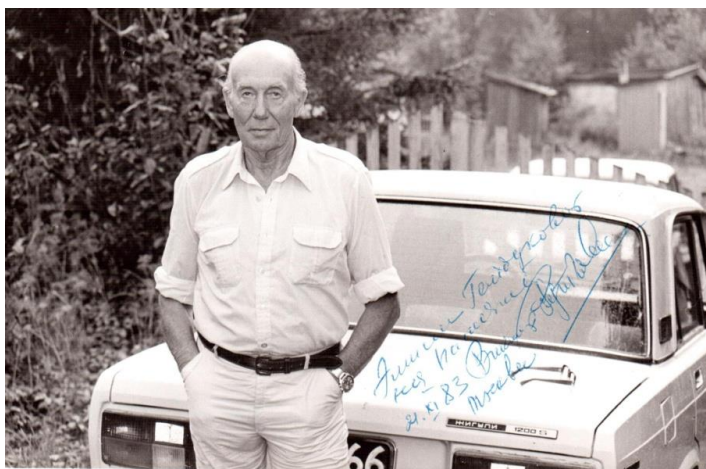
Связаться с Виктором Авксентьевичем не смогла ни Таня Новик, участница Всероссийской конференции следопытов «Отечество-99», ни руководитель делегации. Очень жаль!

«22/II-2000г.

Милая Эмилия и красные следопыты!

Благодарю за память. Посылаю вам свою фотографию, сделанную в день моего 92-летия. Стараюсь держаться. Хорошо, что вы меня не забываете.

В.Руйкович.

P.S.

Дело идёт к лету. Надеюсь, что летом буду чувствовать себя лучше.

В.Руйкович».

Это было его последнее письмо. Посланное нами (ответ) возвратилось с пометкой: «Адресат не проживает».

Мы благодарны Виктору Авксентьевичу за его доброе сердце и внимание к нам. Прав М.Леонтьев, написавший в журнале «Культура и жизнь /на немецком языке/ о В.А.Руйковиче: «Виктор Руйкович – прежде всего репортёр, хроникёр человеческих дел».

Всё присланное нам стало ценнейшими реликвиями школьного музея.

Глава третья

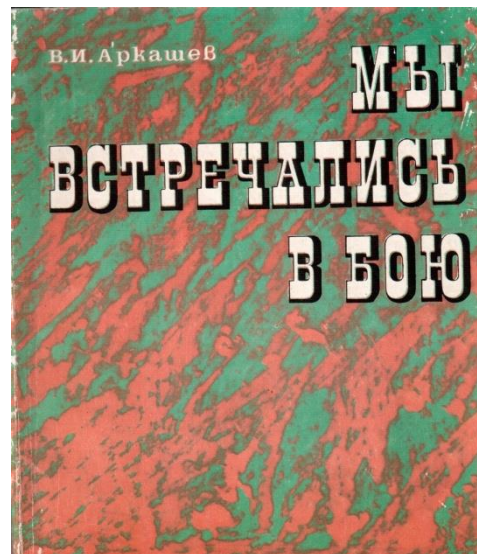
Мы встречались в бою

Василий Иванович Аркашёв

С первого до последнего дня Великой Отечественной войны он находился в действующей армии как фотокорреспондент армейской газеты «Уничтожим врага», а затем фронтовой газеты «Красноармейская правда». Василий Аркашев прошёл боевой путь от Минска до Москвы и от Москвы до Кенигсберга. И на всём этом пути – встречи с героями боёв и следы бесчинств фашистских оккупантов. И снимки, снимки, снимки...

Отснятые им кадры – это боевая история и в то же время – волнующая повесть о доблести советских войск и партизан. Снимки сделаны в самом пекле боёв, поэтому они уникальны и неповторимы.

Трудную, но заветную мечту – узнать о судьбах своих героев – он осуществил, исколесив тысячи километров в поисках тех, кого ему довелось фотографировать в грозные годы войны, получил сотни писем из разных концов страны. Незабываемые, волнующие встречи – новые снимки – и словно ожили, заговорили те, далекие, фронтовые. Так появилась книга «Мы встречались в бою», в которой автор рассказал всё, что удалось узнать о герое, его подвиге, о том, в какой обстановке сделана фотография, как живут и трудятся бывшие фронтовики.

В нашем школьном музее хранится этот бесценный дар:

«Дорогим юным друзьям –
красным следопытам
Тумановской средней школы
с наилучшими пожеланиями в их работе.

От автора

Окт. 1978г. В.Аркашев».

Интересна история фронтовых часов.

«Шёл апрель 1945 года. Войска 3-го Белорусского фронта добивали остатки гитлеровской армии на косе Фрише-Нерунг. На попутной машине добираюсь в 3-й гвардейский Краснознамённый истребительно-противотанковый полк – к своим старым знакомым. Первая встреча произошла под Москвой зимой 1942 года. В тот день артиллеристам вручали гвардейское знамя. В жестоких боях за Москву они уничтожили 40 фашистских танков и бронемашин, сбили 20 самолётов. Около 800 гитлеровцев полегли от метких залпов орудийных расчётов. Прославленный артиллерийский полк участвовал в освобождении Смоленщины, сражался за Оршу, громил гитлеровцев в «Минском котле», воевал на землях Советской Литвы, штурмовал Кенигсберг. А теперь вместе с другими частями добивал фашистов на берегу Балтийского моря...

В штабе полка замполит подполковник А.С.Богатырёв сказал:

– Василий Иванович, Вы помните нашего первого командира Николая Прокофьевича Стасюка? Он был благодарен вам за портреты бойцов-героев, за снимок исторического момента вручения нашим артиллеристам медалей «За оборону Москвы», который был напечатан в «Комсомольской правде»... Он собирался преподнести вам памятный сувенир от гвардейцев-артиллеристов, но пал смертью храбрых. Разрешите мне выполнить волю подполковника Стасюка...

И замполит вручил мне часы. На их нижней крышке надпись: «Отечественная война БССР». И ещё три заглавных буквы: «МИК».

Часы я храню как самый дорогой подарок. Беру их с собой только на встречи с ветеранами войны.

И вот случай. 12 марта 1973 года трудящиеся Вязьмы отмечали тридцатилетие со дня освобождения города от фашистских захватчиков. Меня пригласили на это торжество.

В фойе гостиницы ко мне подошёл стройный симпатичный мужчина с многочисленными орденами и медалями на груди. Поздоровались, он спросил:

– Не скажете ли, который час?

Я потянул за цепочку. Мне показалось, что собеседник с каким-то интересом смотрел на мои часы.

– Как идут часики? – улыбнулся он, а потом представился:

– Михаил Иванович Кутюков, бывший командир орудия 3-го гвардейского артполка... У меня шли минута в минуту.

... Где я видел этого человека? Неужели тогда?..

Вот это встреча!

– помню вас. Хорошо помню. К нам в полк приезжали. Фотографировали гвардейцев. Берегу газеты с теми снимками.

Михаил Иванович рассказывал, и, казалось, оживают мои фронтовые фотографии.

– Помните, фотографировали писаря штаба Николая Ерошкина, спасшего знамя части. Это было под Вязьмой. Мы отбивались от немецких танков и пехоты. Фашистам в районе переправы удалось окружить наш штаб и поджечь штабную машину. Красноармеец Ерошкин не растерялся. Он бросился в огонь и вынес знамя. Сняв его с древка и спрятав под гимнастёрку, начал пробиваться из вражеского кольца. Ему гранатами прокладывали путь бойцы комендантского взвода. Многие из них тогда погибли. Но знамя части было спасено! За этот подвиг Николай Ерошкин удостоен высокой награды – ордена Красного Знамени...»

Кутюков вспоминал и вспоминал. Потом поведал мне историю с часами.

– Вы, помню, присутствовали на похоронах двух гвардейцев... А знаете, что было после? Мы сидели в домике в ожидании машины. Вошёл начальник штаба майор Марченко и сказал, что ещё в Литве командир полка просил подобрать памятный подарок для фотокорреспондента фронтовой газеты. «Может, говорит, у кого есть хорошие часы? Кто не жалеет, положите на стол». Нас в комнате было тринадцать человек, и все достали свои часы. Майор нас поблагодарил, часы положил в фуражку и ушёл.

На следующий день на огневых позициях появился старшина и возвратил всем часы. «А ваши, – сказал он мне, – вручили корреспонденту. Компенсацию за часы штаб перечислил в адрес вашей семьи».

Мой собеседник улыбнулся и произнёс:

– Вот и встретились мы, не зря пословица утвердилась, что гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда».

... Всякий раз, когда достаю из нагрудного кармана часы, я вспоминаю сорок пятый год, победные бои в Восточной Пруссии и моих друзей – артиллеристов».

Василий Иванович Аркашев не случайно был приглашён в Вязьму 12 марта 1973 года на празднование тридцатилетия освобождения города от фашистских оккупантов. Он был участником освобождения Смоленщины: городов Смоленска, Вязьмы, Гжатска.

Фронтовые дороги привели Василия Аркашёва на многострадальную Смоленщину вместе с поэтом Александром Твардовским, на его родину.

Вот фото «А.Твардовский с отцом Трифоном Гордеевичем на месте, где был когда-то хутор Загорье 1943 г.».

«С земляками на освобождённой Смоленщине.1943.»

Потрясающий снимок - «На родном пепелище. Загорье 1943» .

Всё увиденное и пережитое поэт-освободитель описал в поэме «Василий Тёркин»:

Вот взгорье, вот и речка,
Глушь, бурьян солдату в рост.
Да на столбике дощечка:
Мол, деревня Красный Мост...
У дощечки на развилке,
Сняв пилотку, наш солдат
Постоял, как на могилке,
И пора ему назад.

И, подворье покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нёс в душе своей.

Боль пережитого поэт передал словами своего героя Василия Тёркина, а фотокорреспондент Василий Аркашев навсегда запечатлел трагедию уничтоженного фашистами родного очага, – боль и ненависть – пронзительным кадром – вечно живущей фотографией.

Дорогами Василия Тёркина прошёл земляк А. Твардовского - художник Орест Верейский.

Из письма Борису Михайловичу Филиппову

«С самого начала войны и до её конца я был художником газеты Западного фронта, а затем 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда». За годы войны в ней сотрудничали многие писатели: А.Сурков, М.Матусовский, В.Кожевников М.Слободской, Е.Воробьёв, А.Твардовский...

Поэма о русском солдате из родной Смоленщины, откуда родом были мы оба, Смоленщины, растоптанной сапожищами врага с её сожжёнными деревнями и сёлами, разбомбленными городами. Вероятно, и это сыграло немаловажную роль в дальнейшем моём творческом сближении с выдающимся русским поэтом.

Художник Орест Верейский.

...Главная моя работа, связанная с войной, оставившая неизгладимый след, - это иллюстрации к «Василию Тёркину» Твардовского... Она явилась результатом переживаний, размышлений и впечатлений, сделанным по свежим следам, может быть, стала в искусстве некоторым документом того времени.

Во многом я следовал за автором, но я старался внести как можно больше своих ощущений, своего восприятия, военного быта. Своих наблюдений».

Борис Филиппов писал: «Какое удивительное единство поэта и художника, какое глубокое проникновение в эпоху, характеры. Верейского связало с Твардовским не только землячество, но прежде всего чувство времени и знания жизни.

Если выдающийся талант поэта сумел выразить народные думы и чаяния, проникнуть в мысли русского воина, защищавшего свою Родину и в то же время не теряющего чувства юмора и оптимизма, то талант художника смог

правдиво отобразить не только внешние черты героя и его окружение, но и общий колорит военного времени, основные приметы военных лет».

Вязьма... Как освободитель пришёл 12 марта 1943 года в разорённый, сожжённый старинный город фронтовой фотокорреспондент Василий Аркашёв.

ЖИТЕЛИ ГОРОДА ВЯЗЬМА ВСТРЕЧАЮТ
ВОИНОВ-ОСВОБОДИТЕЛЕЙ. 12 МАРТА 1943г.

Жители Вязьмы встречают воинов-освободителей 12 марта 1943г.

Вяземская земля... Изрытая бомбами и снарядами, политая кровью советских солдат в грозном 1941. Такой её увидели А.Твардовский и В.Аркашёв.

По старой дороге на запад, за Вязьмой,
В кустах по оборкам смоленских лощин,
Вы видели, сколько там наших машин,
Что осенью той, в отступленье, завязли?
Иная торчит, запрокинувшись косо,
В поломанном, втопанном в грязь лозняке,
Как будто бы пить подползала к реке –
И не доползла. И долго в тоске,
Во тьме, под огнем буксовали колеса.

(А.Твардовский. За Вязьмой)

«За Вязьмой - порванные мосты, мостики, впадины, котлованы. Глыбы мёрзлой земли, вывороченные силой взрыва. По сторонам дороги, точно вымытые, отчётливо чёрные или цветные кузова машин, ржавые остовы, «рамы». Они провели здесь две зимы – памятники осени 1941 года...»

(А.Твардовский. Родина и чужбина. За Вязьмой.)

Дети... Вместе со взрослыми перенесли они все ужасы фашистской оккупации.

Сердце сжимается от боли, когда смотришь на снимок В.Аркашёва «Коля Орлов из деревни Кловка». Сколько их, сирот, вынудила война ходить с сумой по разорённой фашистами земле!»

Мы благодарны Василию Ивановичу Аркашеву, талантливому фоторепортёру, за дружбу и бережно храним его письма, адресованные следопытам и их руководителю Э.С.Гайдуковой.

Красным следопытам Тумановской средней школы

«Дорогие ребята!

Получил Ваше письмо. Большое спасибо за тёплые слова в мой адрес. Простите, что сразу не написал ответ. Был занят срочной большой общественной работой в связи с подготовкой Белоруссии к 60-летию.

Очень рад, что вы ведёте большую работу по увековечиванию памяти о воинах, погибших в годы Отечественной войны, и то, что создаёте школьный музей. Ваша работа позволит будущим ученикам вашей школы больше познать о героизме советских людей, проявленном при защите своего государства.

Да, мне в годы войны действительно довелось быть корреспондентом газеты «Уничтожим врага» 5-й армии Западного фронта и участвовать в освобождении нескольких городов Смоленщины, в том числе Гжатска, Вязьмы, Смоленска. В посёлке Туманово в дни войны, к сожалению, мне быть не пришлось. Надеюсь, память мне не изменила, Туманово освободили воины 352 с.д. 10 марта 1943 года. Так как эта дивизия тогда находилась на правом фланге 5-й армии. Адресов ветеранов этой дивизии в настоящее время у меня нет. Но надеюсь их получить в Совете ветеранов 5-й армии. Когда буду в Москве, постараюсь выполнить вашу просьбу. Что касается фронтовых писем, газет и других реликвий – вы опоздали. Всё, что было, давно раздал. Оформить школьный музей фронтовыми фотоснимками постараюсь помочь. Только в настоящее время я очень занят. Если делать по-настоящему, чтобы эти фотоснимки жили долгие годы, значит предстоит выполнить большую работу, а для этого потребуется и много времени. Пока посылаю вам одну из своих книжек. Прочитав её, надеюсь, Вы получите ответ на некоторые интересующие Вас вопросы.

Между прочим. Снайпер дагестанец Абдулл Сефербеков – один из воинов 352 дивизии, которая освобождала Туманово.

Он погиб в бою за деревню Трубино под Гжатском на рассвете 5 марта 1943 года.

Жму крепко Ваши руки.

С глубоким уважением

18/X.78г. В.Аркашев».

День Победы! Этот святой праздник приближал весь советский народ, приближали его и деятели литературы и искусства. Многие не дожили до этого светлого дня – погибли в боях за Родину.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Стихи В.Харитонова
Музыка Д.Тухманова

День Победы, как он был от нас далек,
Как в костре потухшем таял уголек.
Были версты, обгорелые, в пыли, -
Этот день мы приближали, как могли.

Припев:

Этот День Победы-
Порохом пропах.
Это праздник-
С сединою на висках.
Это радость-
Со слезами на глазах-

День Победы!
День Победы!

Дни и ночи у мартеновских печей
Не смыкала наша Родина очей...
Дни и ночи битву трудную вели -
Этот день мы приближали, как могли.

Припев:

Этот День Победы-
Порохом пропах.
Это праздник-
С сединою на висках.
Это радость-
Со слезами на глазах-

День Победы!
День Победы!

Здравствуй, мама, возвратились мы не все...
Босиком бы пробежаться по росе!
Пол-Европы прошагали, полземли, -
Этот день мы приближали, как могли.

Припев:

Этот День Победы-
Порохом пропах.

Это праздник-
С сединою на висках.
Это радость-
Со слезами на глазах-

День Победы!

День Победы!

Автор и составитель сборника - Эмилия Степановна Гайдукова – краевед, окончила историко-филологический факультет СГПИ им.Карла Маркса, преподавала русский язык, литературу, историю и смежные дисциплины в Сергеевской восьмилетней (ставшей средней) школе Томской области, затем в Тёмкинской средней школе, а с 1967 года – в МБОУ Тумановской СШ им. Героя Советского Союза К.И.Молоненкова Вяземского района Смоленской области, руководитель музея и красных следопытов.

Автор и составитель сборников, в основу которых легли материалы школьного музея, собранные красными следопытами нескольких поколений за 45 с лишним лет поиска.

«Катюша» – о Герое Российской Федерации, гвардии старшем лейтенанте, лётчице Екатерине Васильевне Будановой (издавалась дважды: в 1996 и 2006гг. – к 80-летию и 90-летию со дня рождения);

«Всегда живой» – о Герое Советского Союза, лауреате Государственной премии СССР, генерал-майоре артиллерии Константине Иосифовиче Молоненкове, выпускнике 1941 года Тумановской средней школы (издавалась дважды: в 2009 и 2010гг.);

«Опалённые войной» - о тумановцах, участниках Великой Отечественной войны, детях войны и тех, кто погиб на тумановской земле в годы Великой Отечественной войны 1941-1945гг.. (Первое издание вышло в 2010 году, второе – дополненное – в 2013 году.)

«Забывать нельзя!» («Смоленские Хатыни») - о злодеяниях фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны в 1941-1943 гг. на Смоленской земле (издана в 2016 году).

«Путёвка в жизнь» - книга посвящена истории Тумановской школы в воспоминаниях директоров, учителей, выпускников, красных следопытов разных лет; знакомит со знатными людьми, прославившими не только тумановскую землю, но и ставшими известными на Смоленщине и далеко за её пределами: в России и за рубежом. Книга вышла в 2016 году, приурочена к 80-летию Тумановской средней школы и 50-летию музея.

Содержание

Введение

Часть I Артисты на передовой

Глава первая

Первая фронтовая бригада артистов Москвы

Глава вторая

Так велело нам сердце

Глава третья

Из фронтового дневника Б.М.Филиппова

Глава четвёртая

Артист переднего края

Глава пятая

Смоленские артисты на Западном фронте

Глава шестая

Горькая судьба бригады №13

Песня «Музы» не молчат»

Часть II Считаем своё перо мобилизованным

Глава первая

Вступление

Глава вторая

Погибли под Вязьмой
(сотрудники газеты «К победе», Марк Серебрянский)

Глава третья

Писатели-ополченцы
(Николай Афрамеев, Шалва Сослани, Григорий Замчалов,
Самуил Росин, Вадим Стрельченко, Владимир Тренин,
Марк Тригер)

Часть III

Художник и война

Глава первая

Народный художник России, скульптор А.Г.Сергеев

Глава вторая

Художник-фронтовик В.А.Бармин

Глава третья

Дорогами войны (И.В.Царевич)

Часть IV

Фронтовые репортёры

Глава первая

Яков Халип

Глава вторая

Репортёр армейской газеты «За честь Родины»

Виктор Руйкович

Глава третья

Мы встречались в бою

Василий Аркашев

Заключение

Литература

1. Материалы школьного музея (фотографии, письма, фрагменты конкурсного сочинения Ольги Леоновой «Музы на фронте»)
2. Музы вели в бой. Деятели литературы и искусства в годы Великой Отечественной войны: сборник. - М.: АПН, 1985.-343 с.
3. Ортенберг, Д.И. Это останется навсегда/ Давид Ортенберг. - М.: Политиздат, 1984.-335с.
4. Симонов, К.М. Стихотворения и поэмы/ Константин Симонов. - М.: Детская литература, 1982.-95 с.
5. Строка, оборванная пулей: Московские писатели, павшие на фронтах Великой Отечественной войны: сборник. – М.: Московский рабочий, 1985.- 701 с.
6. Филиппов, Б.М. Музы на фронте. Очерки, дневники, письма/ Борис Филиппов. - М.: Советская Россия, 1975. - 208 с.